Избранные письма разных лет

Прошлое и настоящее

- 1

Георгий Викторович Адамович

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Избранные письма разных лет из книги: Из книги Адамович Г. Одиночество и свобода. - М.: Республика, 1996. - С.392-415.

- Георгий Адамович (1892-1972)
  - 1.
  - 2.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - 6.
  - 7.
  - 8.
  - 9.
  - 10.
  - 11.
  - 12.
  - 13.
  - 14.
  - 15.
  - 16.
  - 17.
  - 18.
  - 19.
  - 20.
  - 21.
  - 22.
  - 23.
  - 24.
  - 25.
  - 26.
  - 27.
  - 28.
  - 29.
  - 30.
  - 31.
  - 32.
  - 33.
  - 34.
  - 35.
  - 36.
  - 37.

- 38.
- 39.
- 40.
- 41.
- 42.
- 43.
- 44.
- 45.
- 46.
- 47.
- 48.
- 49.
- 50.
- 51.
- 52.
- 53.
- 54.
- 55.
- 56.
- 57.
- 58.
- 59.
- 60.
- 61.
- 62.
- 63.
- 64.
- 65.
- 66.
- 67.
- 68.
- 69.
- 70.
- 71.
- 72.
- 73.
- 74.
- 75.
- 76.
- 77.
- 78.
- 79.
- 80.
- 81.

- 82.
- 83.
- 84.
- 85.
- Примечания к Письмам
  -
  - 1.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - 6.
  - 7.
  - 8.
  - 9.
  - 11.
  - 12.
  - 13.
  - 14.
  - 15.
  - 16.
  - 17.
  - 18.
  - 19.
  - 20.
  - 21.
  - 22.
  - 23.
  - 24.
  - 25.
  - 26.
  - 27.
  - 29.
  - 30.
  - 31.
  - 32.
  - 33.
  - 34.
  - 35.
  - 36.
  - 37.
  - 38.
  - 39.
  - 40.
  - 41.

- 42.
- 43.
- 44.
- 45.
- 46.
- 47.
- 48.
- 49.
- 50.
- 51.
- 52.
- 53.
- 54.
- 55.
- 56.
- 58.
- 60.
- 63.
- 66.
- 67.
- 68.
- 69.
- 70.
- 72.
- 74.
- 76.
- 79.
- 81.
- 84.
- 85.

Георгий Адамович (1892-1972)
Избранные Письма

1.

10 августа 1933 г.

Глубокоуважаемый Вадим Викторович!

Посылаю статью. Простите за опоздание. На это кроме причин личных есть причина и просто литературного порядка.

Я собирался — по уговору с Вами и Марком Вениаминовичем написать короткое обозрение эмигр. литературы со множеством имен. Но, написав его, я пришел в ужас: получилось слишком уж бойко, слишком с «птичьего полета». О каждом два слова, будто какой-то смотр. Поэтому я это обозрение уничтожил, а написал другую статью, где речь только о Бунине. Мысль моя остается прежней: написать обо всех или хотя бы о главнейших. Но невозможно так поверхностно и коротко. У меня теперь вышла как будто только первая глава большой статьи. Поэтому я приписал: «продолжение следует». (Дальше я думал бы написать о Мережковском.) Если Вам это не подходит и Вы продолжения не желаете, будьте добры поставьте по крайней мере римское I в начале. Иначе будет неясно — почему только Бунин?

Надеюсь, статья не опоздала. Очень прошу корректуру: верну в тот же день. Адрес мой прежний, ниццский: Villa Bayley Avenue Gustave Nadaud, Cimiez Nice (A. M.). Траурное объявление, которое Вы, видели, относилось к моей матери. От всей души благодарю за сочувствие.

Примите мой поклон и лучшие пожелания.

Преданный Вам Г. Адамович.

До 16 сентября — я в Nollene-Vesubic (A. M.) Villa Kobresio

2.

24/IV-1934, Nice

Глубокоуважаемый Вадим Викторович! Очень прошу простить за опоздание.

Надеюсь все-таки, что не так сильно Вас подвел.

Большая просьба: корректуру. У меня почерк скверный и мелкий, боюсь ошибок. Верну **в тот же день.**

Примите мой самый сердечный привет

Преданный Вам Г. Адамович

В статье приблизительно 28 000 знаков.

3.

6.VIII. 1934. Nice

Дорогой Вадим Викторович!

Простите, что отвечаю с опозданием. Я был несколько дней в отъезде.

Статью о Мережковском я пришлю. Я к ней еще не приступал, но начну на днях. Если опоздаю немного, надеюсь, Вас все-таки не подведу. К 25-му пришлю наверно.

Тема мне интересна — и даже увлекательна; если бы не связанность личными отношениями, было бы совсем хорошо.

Не знаю, найду ли книгу для заметки в библиографический отдел. М. б., Мочульский? («Духовный путь Гоголя»). Если у Вас о нем никто не пишет, я написал бы охотно.

Примите мой сердечный привет.

Преданный Вам Г. Адамович.

4.

14 декабря 1934, Paris

Дорогой Вадим Викторович!

Нашел вчера в «Посл. Новостях» Ваше письмо. Первого письма — о котором Вы упоминаете — я не получил, но если Вы его адресовали на мой домашний адрес, то пропажа не очень удивительна. С моей консьержкой случается и не такое! Простите, во всяком случае, за невольную неаккуратность.

Усердная просьба — разрешите прислать Вам статью *в самом конце декабря* , т.е. к новому году. Я пришлю ее из Ниццы, куда поеду числа 20-го.

Раньше не поспею, т. к. сейчас занят всякими мелкими работами. Надеюсь, что срок для Вас приемлем.

Книгу Legras я только что получил. В принципе я написал бы рецензию охотно, т.к. тема интересная. Но позвольте оставить вопрос «полуоткрытым»: я бы хотел прочесть книгу раньше, чем что-либо обещать наверно.

Всего доброго. Примите мой сердечный поклон.

Еще раз прошу простить за молчание

Преданный Вам Г. Адамович

5.

2/XII—1951

Cher ami!

У меня в четверг, 4-го, покер, конечно, если Вы свободны. Будьте добры позвонить мне

(Ely 68—88), придете ли Вы. Если нет, то все расстраивается. Не скажете ли Вы Стерлингу (не знаю его адреса, ни даже как пишется его имя) о том же. Кого еще позвать? Раевский, к сожалению, невозможен. Если придет Анна Семеновна, будем очень рады, тем более, что Аля покер саботирует и предпочитает обмен мнений о смысле жизни

Ваш Г. Адамович

В 8 1/2!

С Новым годом!

6.

26/1-52

Cher ami Александр Самсонович!

Шлю Анне Семеновне и Вам поклон привет из Манчестера. Холод, снег, дым, мрак, скука и прочая мерзость. Но ничего, надо привыкать и думать о душе. Обстановка здесь для этого самая подходящая.

Как и что в Париже? Как поэзия, как покер? Кем заменили меня у Раисы Григ.? С одним Котляром скучно и невыгодно. Спасибо за шоколад. Заготовьте к моему приезду такой же, т.к. он мне очень нравится.

Надеюсь получить от Вас — или от Анны Семеновны, т. к. на Вас надежды мало! — несколько слов обо всем. Напишите «за жизнь», как говорит мой друг Рабинович.

Крепко жму руку и завидую, что вы в Париже Что имеем, того не ценим.

Ваш Г. А.

Вот адрес:

G. Adamovitch
c/o Mrs Davies 104,
Lady barn Road
Manchester 14
England

7.

4/III-52, Manchester

Дорогая Анна Семеновна!

Простите, что до сих пор не ответил на Ваше милое письмо. Перед Вашим дорогим супругом я чувствую меньше вины, ибо он мне написал, получив несколько строк от меня. А Вы — другое дело. Одним словом, простите.

Я уже совсем «обжился» в Манчестере и вскоре собираюсь в Париж. Но, увы, не на долго, до 15 апреля. Все-таки приятно будет подышать родным (или почти) воздухом. Доходят до меня слухи о журнале, на который Терапиано с Тумановым в поте лица собирают деньги. Но, кажется, не собрали и едва ли соберут, что в порядке вещей. Неточка спрашивает, не устроить ли вечер о Гоголе (Объединение). Я ничего против Гоголя не имею, но где, как, когда, для кого и с кем устраивать? Кстати, о литературе. Давно ли Вы читали «Отцы и дети»? Я перечел по долгу службы — и восхитился. Это без пяти минут первый сорт — не язык, не философия, а образ Базарова. C'est um homme revolte, как сказал бы Camus — предшественник многих теперешних, преувеличенных в своем нигилизме и потому ничтожных молодых людей. Я выражаюсь неясно, но Вы все понимаете с полуслова. Все, кроме покера и его прелести.

До свидания, надеюсь на rue Tureau d'Angin, с уткой или без утки. «Теплый поклон» (это так пишет Аля Бахрах, но Вы меня — т. е. мое некоторое стилистическое удивление— не выдавайте!) моему другу Гингеру.

Ваш Г. Адамович

8.

4IV-52

Дорогая Анна Семеновна!

Шлю Вам и Вашему дорогому супругу сердечный привет. Манчестер все тот же — серый и холодный. А по календарю как будто весна. Писал Раисе Григорьевне, но не получил ответа, здорова ли она? Или ее окончательно обыграл Гингер и молчит она оттого? Напишите мне, что и как. Недели через три я собираюсь быть в Париже. Как Ваши среды? Я пользуюсь воскресеньем и все сегодняшнее утро читал книгу Шаршуна. Читали ли Вы и, если да, что Вы о ней думаете?

До свидания. Спасибо за обед с уткой. Здесь больше кормят сосисками из жеваной бумаги. Буду ждать письмеца от Вас обоих

Ваш Г. А.

9.

12/ VII1-52

Mes chers amis Анна Семеновна и г. Гингер Александр!

Как Вы живете? Что делаете и как вообще все? Вспоминаю Вас часто, а вот написать все не мог собраться.

Здесь жарко, у Вас на нюдистском острове, верно, лучше. К тому же сильно пострадал от рулетки (ceci est entre nous, пожалуйста!). Напишите о себе. Буду очень рад. Я в Париже надеюсь быть через месяц.

Ваш Г. Адамович

10.

9/X-52

Cher ami Александр Самсонович!

Честное слово, собираюсь писать Вам каждый день, чувства к Вам питаю самые матернии, а собраться все не могу. Вы мне звонили в утро моего отъезда, хотели что–то сообщить, но я впопыхах не успел позвонить к Вам. Простите. Как Вы живете, какие новости, поэтические и вообще? Кто с кем поссорился? Как здоровье Анны Семеновны, которое меня беспокоит. Когда я был у Вас, А. С. была совсем как тень, перышко или воздух, а Вы, недостойный муж, не обращаете внимания.

Вернулась ли наша «старуха», как Вы непочтительно ее называете? Я к богатым людям питаю уважение и никогда бы себе этого не позволил.

Вообще как и что?

Здесь холод и все прочее. Читаю «Записки охотника» и объясняю значение Кантемира для русской общественности. Vous voyez ca de coin.

До свидания. Буду ждать письмеца. Кланяйтесь очень Анне Семеновне.

Ваш Адамович

11.

2 мая 1953, Manchester

Дорогие Анна Семеновна и Александр Самсонович!

Пишу Вам обоим вместе, как французские консьержки пишут поздравления – m-ret m-me Duport. А пишу без особого дела, но потому, что Вы меня подозреваете в безразличии к друзьям и даже простой невежливости. Впрочем, дело есть, хотя и безнадежное, к monsieur, а не к madame: послушайте человека старого и опытного, не лежите часами на солнце! Раиса Григорьевна сообщила мне, что Вы опять за это принялись, и я нисколько не удивлюсь, если после такого сеанса Вы бросите ей карты в лицо или назовете ее одним из тех милых слов, которые Вы произносите, когда она идет на кухню заварить чай. Правда, это очень вредно, и может плохо кончиться! Я в медицине толк знаю, а в солнце

есть стороны коварные, которые и вступают в силу, как только оно видит, что можно воспользоваться человеческой доверчивостью. На солнце безопасно двигаться, но всегда опасно оставаться неподвижным

Вот, все равно Вы меня не послушаетесь, и пишу я это все «так», чтобы отвести душу. А как здоровье Анны Семеновны и как вообще все? Я не знаю, когда попаду в Париж. Хотел бы недели через три, но, кажется, надо остаться на экзамены и спрашивать, кто написал «Евг. Онегина», а кто «Горе от ума», и тогда я вернусь не раньше как недель через пять. А Вы к тому времени, наверно, переедете на свой остров, Вашего общества! Послали ли Вы что-нибудь в «Опыты»? Они жаждут утонченной парижской литературы, чтобы показать местным остолопам, как пишут люди высшего круга. Кстати, я получил от Кантора «пук» стихов и читал, право, не без удовольствия и удивления, хотя едва ли Вам (обоим) эти стихи понравятся. Там мало словесных качеств, но есть качества личные, психологические, с какой-то сверх-анненской темой пребывания en marges de la vie. И замечательно (для Фрейда), что он пишет почти исключительно хореем, который ему идет как корове седло. В общем, уверяю Вас, что это лучше многих наших мэтров (исключая, конечно, игрушки) и, как выражался Оцуп, «есть что-то острое». На меня Манчестер хорошо действует: здесь я интересуюсь литературой, а в Париже — покером. До свидания, mes chers amis, и, надеюсь, скорого. Если все же до свидания напишите, буду очень рад, а если нет, то, не в пример Вам, злобы не затаю.

Ваш Г. Адамович

12.

6/ V-53, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Спасибо за обстоятельное и красноречивое письмо, огорчившее меня только приписки столь же обстоятельной от Анны Семеновны, впрочем, по уважительной весьма причине «словесного запора».

От Маковского я получил третьего дня Ваш сонет и тут же вернул его ему с резолюцией. Смысл ее был в том, что 1) матернее – русское слово, у Даля подтвержденное пословицей о «матернем сердце», 2) мечт – по Ушакову, неупотребительно, но мнение Ушакова произвольно и никаких незыблемых законов на этот счет нет и быть не может. Я указал Маковскому на «мачт» и «почт», но жалею об этом. Он может возразить, что мачта и почта сохраняют в именит. падеже множеств. числа ударение на первом слоге, вследствие чего «мачт» и «почт» — меньше режет слух. Но «черта» например, множ. число: черты, черт…Почему же возражать против мечт? Я лично не употребил бы этого слова, но не вижу возражений. Главное же, и это я написал Маковскому, все это вопросы **стиля,** а стиль Вашего сонета требует таких изысков и вольностей. Стиль выдержан, а грамматика тут ни при чем.

Каюсь, я не заметил «предвкушеньем», приняв его за «предвкушеньям» — дат. пад.

числа. Тут, пожалуй, Маковский прав, и Ваша ссылка (в письме), что если можно быть обрадованным чем-либо, то можно и радоваться чем-либо, меня не убедила. Обрадован — пассивная, страдательная форма, где подразумевается то, что вызвало радость (лицо, поступок, известие и. д.), откуда творительный падеж, чем, кем это сделано? Рад — форма иная, где радость есть мое, мной достигнутое или найденное состояние, без указания, что кто-то или что-то меня в него ввергли. Впрочем, je, n'insiste pas, и хотя грамматика против Вас, но грамматика — особенно русская— требует форточки, откуда шел бы свежий воздух. Во всяком случае, я Маковскому о предвкушенье не упоминал. Все дело в том, что есть поэты, которые считает, что их дело — слова (votre cas), и другие, считающие, что их дело — чувства, мысли, описания (он). Я лично хотел бы сесть посреди этих двух стульев, но Ваша позиция — законна, и в иных видах подтверждается людьми вроде Пастернака. A propos, к какому типу относятся обещанные «Берега»? Не капризничайте, что без означенного «Сонета» сборник Вам не нужен и не желателен. Вы правы

упорствовать, он не прав — и не квалифицирован — возражать, но, если бы действительно надо было обойтись без сонета, все же сборник стоит такой жертвы. Вы украшение нашей поэзии, и Ваш сборник будет ее торжеством и праздником. Не стоит из-за пустяков упускать случая его выпустить, как граф Шамбор с флагом. Не слушаетесь насчет солнца, внемлите хоть в этом. Сонет очень мил, но не такой уж бессмертный шедевр, чтобы из-за него умирать.

Г. А.

13.

3/X-53, Manchester

Дорогая Анна Семеновна!

Должен был Вам позвонить накануне отъезда, но в хлопотах, да и в трудах по сочинению разных бумаг для m-me Frauin не успел. Простите. Надеюсь, Вы не усомнитесь, что желание было, а исполнить его сил или времени не хватило.

Прибыл в Манчестер — и готовлюсь к долгой, темной зиме. Скучно. Но на скуку жаловаться грешно, когда бывают в жизни вещи худшие. Буду очень рад, если напишете. До свидания. Шлю самый дружеский и сердечный привет.

Г. А.

А дальнейшее относится к стихам дорогого «Сашуни».

«Тибетская песня» восхитительно-гингеровски своеобразна. Но мне не нравится рифма: «нетенистой — каменистой». При всяческой изощренности Вашего жанра c'est un peu facile, т. е., собственно, дело в «нетенистой», которая как-то выпирается (а вот та же facilite «жившим и положившим» ничего, вполне приемлема, по-моему). Затем, почему «песня» в названии? Или это надо именно наоборот понимать? Тут скорей заклинания, гимн, на крайность «дума», но ничего песенного.

«Газелла» — тоже очень хороша. Но (простите за еще «но»), по-моему, предпоследняя строфа сильнее последней, и было бы неплохо на ней кончить. (Впрочем, Маллармэ считал, что именно предпоследняя строка (правда, строка, а не строфа) должна быть самой сильной и как бы отбрасывать тень на последнюю, что я знаю со слов Гумилева, но никогда не мог найти у Маллармэ ничего об этом. М. б., это в чьих-нибудь рассказах о его mardis de la rue de Rome?). Мне очень нравятся полуповторения: не понимает ничего и дальше – не вспоминает ничего. И форма газеллы очень тут подходит, будто писал эти стихи какой-то бессмертный Саади или Гафиз в раздумии о бессмыслице жизни, что-то очень персидское и хризантемное. А не лучше вместо «ах!» сказать просто «но» – в особенности если этим и кончить? «Ах» очень уж стилизовано, вроде Кузмина, а «но» — как приговор, точка и конец.

Простите за критику и предложения. По инерции и привычке. В общем — дай Бог всем нашим поэтическим друзьям сообща, сложив все свои таланты, сочинить два таких стишка.

Г. А.

Кажется, в газелле полагается именно 7 строф? Не помню. Но

есть же и сонеты в 13 строк.

14.

2/II-54, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Простите, что отвечаю не сразу, хотя записка Ваша была весьма непочтительна по форме и тону, из чего видно, что я уже не председатель, а всего только «экс».

Не могу послать Вам своего шедевра — по той причине, что я высоко уважаю Анну Семеновну не только как поэта, но и как даму. Вы же, конечно, оставили бы мое произведение валяться «ауф тиш унд бэнкс», как говорил Фельзен, и ей могло бы оно попасться на глаза. После этого мне оставался бы лишь один выход: револьвер. Так что простите, передам Вам его при встрече, в особом секретном конвертике.

Что нового? Из Парижа мне сообщают вещи до смешного различные: одни — расцвет, вечера, споры, вообще сплошные Афины, другие — застой, скука и скорей сплошная Сахара. Кто прав? Кажется, каждый по-своему — т. к. сообщают мне даже о докладе Станюковича, на который, надеюсь, Вы не пошли (ибо это он писал в «Пар. Вестнике»: «теперь нет больше лопоухого Адамовича и дорога молодым талантам открыта» — textuellement).

Видели ли антологию Иваска? Там есть среди ди-пи люди далеко не бездарные. Но есть что-то капризное и жеманное в самом Иваске, хотя и с тонкостью несомненной.

До свидания. Как покер, как дела на Мюрате? Кланяйтесь, пожалуйста, сердечно и почтительно Вашей супруге.

Ваш Г. А.

15.

29/V-54, Manchester

Дорогая Анна Семеновна!

Очень рад был получить Ваше письмо с книжкой бедной Веры Булич (бедной п. что она ведь, кажется, умирает?). Я ее знал «в те баснословные года», она состояла при Гумилеве, насколько помню. Вы желаете знать, что я думаю о ее стихах. Я только просмотрел книжку, а стихи надо читать и десять раз перечитать, чтобы в них разобраться. Оттого критики и пишут о стихах всегда чепуху, что они этого не делают (и я в их числе). Ну, все-таки мнение: лучше других — первое стихотворение, кстати, не без Сашуни, а затем в конце много хороших и «трогательных» строчек, довольно личных не только по чувству, но и по словам. Мне нравится «Иссохшим деревом…», (стр. 36), м. б., потому, что похоже на одно из предсмертных стихотворений Некрасова, всегда меня потрясавших. Странно у нее, что только к концу книги она ожила, а ведь по годам должно бы это случиться раньше! Хотя есть вообще верные интонации: «Нет у меня детей…» — очень верно по звуку. Конечно, в целом — неплохая книжка, даже с прелестью, как о голубой мгле, коя была «задумана иначе». Это Анненский, пропущенный сквозь Одоевцеву.

Постараюсь исполнить Ваше желание — и высказаться печатно. Но у меня масса всяких срочных дел, и будет это к концу июля, едва ли раньше.

Как Вы живете? Надеюсь, впрочем, получить ответ устный, т. к. недели через две или 2 S надеюсь оказаться в Париже и быть приглашенным на утку или курицу, по традиции.

До свидания. Кланяйтесь, пожалуйста, Вашему супругу и попросите его поберечь себя для друзей, для русской литературы, для будущего.

Ваш Г. Адамович

P. S. Вы подписываетесь «сердечно к Вам расположенная». Николай II писал «неизменно к Вам благосклонный».

16.

19 – 19 – VIII. 1954, Nice

Cher ami Александр Самсонович!

Спасибо очень за письмо и простите, тоже очень, что долго не отвечал. Во-первых – я был в отсутствии, а во-вторых – закрутился в вихре удовольствий (всякого рода, ибо бес в моем ребре сидит крепко).

Quant a la собашная дама, но я ей написал накануне получения письма от Вас, и ответа до сих пор не получено. Но, в сущности, он и не требовался. Очень рад успеху «Les Cogo». Правда рад, не для отписки. Надо… Меня прервали, продолжаю на следующий день и не помню, что «надо», что я хотел сказать!

Думаю недели через три быть в Париже, а вообще-то зима и все прочее наводит на меня тоску после здешних сияний и сверканий. В смысле интеллектуальных наслаждений, сижу дважды в неделю с Алдановым, беседуя о том, кто лучше, Толстой или Достоевский.

До свидания, дорогой партнер и друг.

Дела мои в Casino ухудшились, но вообще-то за лето я выиграл и даже порядочно. Но все куда-то разлетелось, а проигрывать (теперь) выигрыш так же разорительно, как и деньги потом и кровью выработанные.

Кланяйтесь очень сердечно и почтительно Анне Семеновне, и пусть она продолжает свой прелестный и пуаньантный французский жанр!

До свидания и La main.

Ваш Г. А.

17.

20/XI-54, Manchester

Глубокоуважаемая Мария Самойловна!

Получил с неделю тому назад рукопись (Португальских сонетов» и сейчас занят их чтением или, вернее, сличением оригинального текста с переводом. Сделал пока две да три отметки на полях и надеюсь, Вы не откажетесь их показать г. Астрову.

Предисловие напишу в конце месяца или в начале декабря — и вышлю его Вам вместе со всей рукописью.

Что же касается условий, то — простите, Мария Самойловна, — я не могу согласиться на те условия, которые предложили Вы — по 1 доллару за страницу. Это тариф «Опытов», но журнал — совсем другое дело. Не хочу, однако, вступать в какие-либо пререкания или переговоры по этому вопросу и прошу Вас считать, что я сделаю эту работу бесплатно, из дружеского уважения к памяти покойного Михаила Осиповича.

Примите уверения в совершенном уважении и искренней преданности.

Георгий Адамович

18.

20/II-55, Manchester

Дорогая Анна Семеновна!

Спасибо за письмо. Очень тронут тем, что Вы обо мне вспомнили.

Вы спрашиваете о моем здоровье. Pas trop fameux. Вожусь с глазами, и хотя лучше, но не совсем еще. Читать и писать трудно.

Узнал от Неточки, что умер Ставров. А Вы даже не сообщаете об этом. Я знал, что он очень болен.

От Чиннова получил письмо после очень долгого перерыва. Он процветает, но скучает.

Простите за глупое письмо, но на человека больного сердиться грех. Кланяйтесь очень Вашему дорогому супругу. До свидания, надеюсь не очень далекого.

Ваш Г. Адамович

19.

30/IV-55, Manchester

Mes chers amis Анна Семеновна et Александр Самсонович!

Очень жалею, что уехал так, не повидавшись (хотя бы и без утки и прочих роскошей) и даже не позвонивши, что произошло вследствие разной суеты. У Вас, впрочем, тоже была семейная суета, так что и надоедать не следовало.

Здесь я уже пять дней. Все, как обычно. Даже дождь обычный.

Иваск мне все пишет о том, что «Гингер ставит ультиматумы» (это — entre nous, не для того, чтобы ему об этом писать). Отчего Вы его притесняете и тираните? Он — мимоза и требует обращения нежного. Кстати, получили ли Вы «Опыты»? Издательница, кажется, ждет покупателей и не желает никому рассылать их бесплатно.

Что Лида? Я послезавтра вышлю ей ее стихи, из которых попытался удалить те, которые можно. Она упряма, как Вы (т. е. А. С.— простите!). Но не только жаль собирать деньги не на жизнь, а на книгу, но и сборник будет лучше, по Оцупу, «пронзительнее», если его сократить. Это тоже — entre nous, т.к. она сверх мимоза, но в деликатной форме поддержите меня в этом деле, если со мной согласны, конечно. Что вообще с ней делать — ума не приложу! А оставить так, не делая ничего,— нельзя.

Как покер? Этот мой приезд обошелся мне в такие глаза из головы, что я до сих пор не опомнился. И совесть терзает, «когтистый зверь». Но с совестью можно справиться, а деньги вернуть трудно.

До свидания. Напишите, если хотите доставить одинокому, больному и старому человеку большое удовольствие.

Ваш Г. Адамович

20.

22/IX-55, Paris

Cher ami Александр Самсонович!

Я уже три дня в Париже. Звонил сегодня «соб. ст-хе» (не решаюсь полностью написать сочиненное Вами прозвище!), которая, охая, ахая и жалуясь на немощи, все же желает сразиться в покер и просит, чтобы Вы немедленно ей позвонили.

Сама она написать Вам не в силах.

А вчера на Wagram встретил Раевского, обуреваемого теми же страстями, что и «соб. ст». Дело только за Вами.

Как Вы живете на Вашем острове? Чувствую вину — впрочем, перед всеми! — что ни разу летом не написал. Но не писал никому: маразм и кое-что прочее. Перед Лидой грех мой особенно тяжек. Не знаю, где она и что она.

Я здесь до начала октября, sauf imprevu. Надеюсь, увидимся.

Кланяйтесь сердечно и почтительно Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

21.

28/X-55, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Получил письмо от Веры Ник. Буниной, которая сообщила мне, что Вы огласили мое сочинение на ее собрании памяти Ив. Ал-ча. Очень тронут, что это были именно Вы, но отчасти и смущен, ибо сочинение это — вымученное и плохое. Она непременно требовала чего-то, а я не знал, что писать, и сочинил что-то в сантиментальном и лжеглубокомысленном жанре. Ну, passons. Думаю, что все равно никто ничего не помнит.

Все хочу Вас спросить — и забыл об этом, когда был в Париже: видели ли Вы в предпоследнем номере «Нов. Журнала» цитату из Макса Волошина:

И материнские органы Европы…

Я Волошина не особенно, но для Маковского, кажется, это великий мэтр и авторитет. Что же он думает об этих строчках?

A part cela — нового ничего нет, а новости должны бы сообщить мне Вы. Как покер? Знаете ли Вы такого поэта Pierre Emmanuel? Он тут читал вчера лекцию, а сейчас сидел у меня в моем «бюро» и вел разговор. Ничего, но француз, а как говорил Бунин, «что же с француза требовать». В некоторых смыслах они нам дадут сто очков вперед, а в других – сущие дети (в поэзии). Т.е. их развлекает то, что нас развлекать перестало.

Впрочем, думая лично о себе, я думаю, что имел тлетворное влияние на некоторых парижских юношей лет 40 и больше. Не сочтите это за самомнение: «имел влияние». Кажется, что-то имел, но то, что во мне было чем-то вроде «суеты сует» и безразличьем ко всему, т. е. слабостью, они приняли за общий стиль для всех, и вышло глупо. Это, собственно говоря, отчасти объясняет «парижскую ноту». Еще раз: не смейтесь, что я себя возвеличиваю — нет, я просто вспоминаю и рассуждаю, без притворства, а откровенно.

Ну, довольно: «к слову пришлось». Кланяйтесь почтительно и сердечно Анне Семеновне. Надеюсь на рождественскую утку. До свидания.

Ваш Г. Адамович

22.

5/XI-55, Manchester

Дорогой Александр Самсонович! Получив Ваше письмо, был удивлен Вашим ехидством. Оттого и отвечаю немедленно.

Вы советуете мне выписать и прочесть статью из «Р. Воскресенья», где меня называют дураком (почти), завистником и бездарностью. Услужливые друзья статью мне эту уже прислали.

Так когда-то Даманская пришла в 8 ч. утра к Алданову и сказала:

— Марк Ал., я всю ночь не спала и плакала — посмотрите, вот статья, где Вас назвали пошляком. Ведь это неправда, неправда!

Если бы я не был кроток, как ягненок, то порвал бы с Вами дипломатические сношения.

Ну а что Вы собираетесь издать стихи – очень рад. Давно пора. Чувства и мысли в ответ на уверения, что писать о Ваших стихах вовсе будет не обязательно, Вы определили верно.

Еще очень рад, что А.С. стала наконец блистать во французской печати. Тоже – давно пора.

Ваш Г. А.

23.

7/XI-55, Manchester

Дорогая София Юльевна! Спасибо за письмо.

Если можно, будьте добры, внесите от меня 1000 фр. на подарок Даманской. К сожалению, выслать деньги отсюда нельзя. Отдам их Вам, как только буду в Париже, т.е. на Рождестве.

Merci d'avance.

Шлю сердечный привет и поклон.

Ваш Г. Адамович

24.

27/XI-55, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Посылаю №№ «Нов. Р. Слова» с интересующей Вас полемикой, но не могу найти **главного**, т.е. того №, где была первая статья Яновского, с упоминанием Вас (кажется). Это № от 2 октября. У меня тут газету «зачитывают» и не всегда возвращают. Если еще найду этот №, пришлю дополнительно.

Но вообще-то эта «склока» — сплошной позор и скандал.

Кускова — дура и, по моему убеждению, всегда была дурой. Старость ее слегка облагородила, но не до конца.

Слоним уязвлен и занят собой, а Яновский, хотя и прав почти на 100%, груб и развязен.

От всего этого меня сильно мутит, вероятно, по аристократичности моей деликатной натуры. Все возникло от статьи Варшавского в «Нов. журнале», и я советую ему написать к этой полемике заключение с Синайских высот, а не барахтаясь в луже сплетен, ссор и полудоносов (у Яновского — при теперешней ситуации в Нью-Йорке).

Comment allez vous, оба? Недели через три надеюсь быть в Париже. Кланяйтесь очень Анне Семеновне. Рожа — болезнь опасная, но, по Вашим сведениям, «собашной старухе» лучше. Правда?

Ваш Г. Адамович

25.

3/II-56, Manchester

Mes chers amis Анна Семеновна et Александр Самсонович!

Как Вы живете? Что нового в городе и свете? У нас тут — Сибирь и северный полюс, так что если продлится это еще несколько дней, то я превращусь в ледяной столб.

Где Лида? У меня или не у меня? Мне надо бы это знать, а она мне писать не изволит. Прочел в газетах, что наш Оцуп намерен основать новое литературное направление, и пожалел, что меня нет в Париже: все-таки развлечение. Послал с…й старушке иголки, но ответа не получил, впрочем, и не ждал. Надеюсь, дошли. В рассуждениях о поэзии пришел к выводу, что все-таки наш самый хороший поэт, helas Пушкин. Как видите, мысль новая и оригинальная. Все другие — дрянь, кроме нас троих. А самая дрянь — Есенин, теперь раздутый, как Надсон, о чем я хотел бы сочинить статейку.

Ну, не буду досаждать литературой. Напишите, что и как. И не забывайте меня в моей ледяной пустыне и морозном отшельничестве.

A vous Georgii Adamovitch

26.

28/II-56, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Я получил сегодня письмо от Зурова. После длинного описания вечера Оцупа и всяких рассуждений приписка: «Бедная Лида!»

Что это значит? Почему Лида «бедная»? Что с ней произошло? Или это не Лида, а карамзинская «Лиза» в связи с литературными мыслями? Не совсем понятно, mais il ne faut pas chercher a comprendre порой.

Я не хочу писать сейчас Зурову, т. к. Вера Ник. спрашивает, как мне понравились его восхитительные рассказы в «Н. ж.». А я их не читал. Лиде я писал в Швейцарию, т. к. она мне сообщила, что! едет туда. Но ответа нет.

Будьте другом, сообщите, что знаете. Я слегка взволнован.

Со всех сторон получаю описание оцуповского бедлама и выражаю поэтому Вам свое сочувствие. Говорят, он с Вами был тем более непристоен, что Вы потратились на три бутылки красного вина для репетиции вечера в Вашем доме! Но он не в себе, и нечего с него и спрашивать. Я буду писать в «Русской мысли» после долгих колебаний в ответ на приглашение. Но все советуют соглашаться, хотя повесят на меня еще одну собаку. Газета улучшилась, но какой-то душок черносотенства еще в ней остался. Вам, как цинику, все равно, а я – моральный столп и буду страдать. До свидания. Нижайший поклон Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

Жду ответа!

27.

14/III-56, Manchester

Дорогой Александр Самсонович!

Ввиду того что мне не известно, где находится г-жа Червинская, в Париже или на луне, у меня или не у меня, и ввиду того что я намерен 21-го сего месяца прибыть в Париж, то не будете ли Вы добры принять меры: a savoir, сообщите г-же Червинской, буде она у меня, что позвольте, и к искреннему сожалению, «вам выйти вон».

Очень прошу не сообщать направо и налево о событии, т. е. что я приезжаю, п. что я люблю посколько можно пользоваться в Париже свободой и развлекаться на свой манер. Но конечно, если устроен будет у соб…ст… покер, то когда угодно и с превеликим удовольствием.

Значит, a bientot и простите за хлопоты. Кланяйтесь низко Анне Семеновне.

Ваш Г. Ад-ч

28.

26/IV-56, Manchester

Глубокоуважаемая Мария Самойловна!

Я получил сегодня от Вас гранки ближайшего № «Опытов» и несколько смущен: мне не ясно, что должен я с ними делать и с какой целью Вы мне их прислали.

Думаю, что это вызвано отсутствием редактора, Ю. И. Иваска, который, кажется, сейчас где-то в Мексике или еще дальше.

На полях гранок я нашел довольно много вопросительных знаков, по-видимому, поставленных Вами. Не решаюсь брать на себя какие-либо исправления или изменения, да, в сущности, если и есть опечатки, то ни одной поправки действительно необходимой, по-моему, нет. В стихах Присмановой: «на много» или «немного»? Не знаю. Возможно и то и это. Лично я предпочел бы «немного», но не уверен, что она это одобрила бы.

Возвращаю только три странички, своих. Если еще не поздно, буду очень признателен за корректурные поправки.

Примите мой искренний поклон и сердечный привет. В журнале много хорошего, а главное — есть свое «лицо», притом — как у Баратынского— «с необщим выраженьем».

Преданный Вам Георгий Адамович

29.

5/V-56, Manchester

Дорогой друг и плагиатор (последнее относится к тому, что, получив гранки «Опытов», с возмущением отметил произведенное у меня воровство. А стихи очень хорошие, также и Анны Семеновны. Ваши две строчки лучше моих. И еще узнал из статьи Татищева, что Вы — стоический поэт).

Получил сейчас письмо от С. Юльевны с согласием на взносы. Также было письмо от Кодрянской: ее муж в Париже, она просит его передать Вам что следует. Fisx не отвечает, но едва ли откажется. Если добавить Глюкбергшу, выходит 6 человек (с Вами и мной). Кого бы просить еще? Бахрачек, по-моему, в бедности, не такой, конечно, чтобы ему было не по силам в этом дельце участвовать, но сам он энтузиазма не проявил. Кстати, я ему передал перед отъездом 1000 фр., надеюсь, он их не зажилил, а Вам передал.

Но главное: есть ли комната, будет ли? Je n'en suis nullement certain. А заинтересованное лицо мне не пишет, и я не знаю, что с ней. Конечно, можно было бы вообще ее субсидировать на эту сумму, но надо бы тогда пайщиков об этом осведомить.

Напишите, пожалуйста, как и что. И не только об этом, а вообще. Я здесь в монастырском одиночестве и далек от новостей.

До свидания. С грустью вспоминаю о не попавшей мне в рот утке. Кланяйтесь, пожалуйста, низко и сердечно Анне Семеновне

Ваш Г. Адамович

Моя хозяйка – русская. Не пишите мне открыток (как Бахрах) с поэтическими и прочими вольностями.

30.

4/VI-56, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Не зная, где пребывает m-me Лида Червинская, но предполагая, что еще у меня, обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой.

Будьте столь добры, известите ее, что я намерен прибыть в Париж в среду, 13 июня (т.е. на будущей неделе).

Одновременно я пишу и ей на свой адрес. Но боюсь какого-нибудь недоразумения и опасаюсь, что, приехав домой в жажде одиночества и свободы, найду ее в своей кровати.

Мне крайне неловко ее выселять, но что же делать? А как ее эвентуальная квартира? Есть или нет?

Сегодня получил письмецо от Софии Юльевны с гневом и жаждой мщения по поводу книжки Глеба Струве. Я еще книги этой не видел, ничуть ее не интересуюсь. Но С.Ю. сообщает, что он обрушился на Вас. Я этого не знал. Но очень рад, что как раз на прошлой неделе написал о Вас несколько прочувственных слов по поводу «Опытов» (должно появиться в «Н.Р. Слове»), подтверждая Татищева, что Вы действительно великий стоит и вообще наша гордость и краса.

Что-то очень попало от Струве и Яновскому, п. что он в совершенной истерике. Мне лично давно все все равно, и не от сознания своего величья, а от безразличья ко всему. «Все равно все умрем», – сказал Толстой, и совершенно правильно.

Только бы льнули девчонки,
К черту пославшие стыд,
Только б водились деньжонки
Да не слабел аппетит!

– сказал другой гений, Тиняков, и тоже правильно, хотя я и представил бы кое-какие личные возражения.

Ну, до свидания. Не забудьте важное поручение et merci d'avance. Кланяйтесь, пожалуйста, Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

31.

17/XI-56, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Я вам не отвечал, ожидая книги. Но при Вашем сварливом нраве Вы, может быть, и книгу мне не шлете из-за отсутствия ответа.

Книгу жду, заранее предвкушая наслаждение. Я ваш большой почитатель, как выражается Алданов. Где Вы предпочитаете иметь панегирик – в «Русской Мысли» или в «Н.Р. Слове»? Я иногда пишу то же самое в обеих газетах, но по условию с ними – не об отдельных книгах, а взгляд и нечто. Решите сами, куда написать, и сообщите. В «Р.М.», если не я, выскажется, верно, Терапиано. Мог бы и Маковский, но, верно, будет брюзжать (жж или зж?). Кажется от брюзги – значит, зж. Я, хотя и профессор, но стал малограмотен.

Пожалуйста, et e'est tres serieux! не пишите мне непристойностей по-русски. Если уж очень хочется, пишите по-французски. Моя хозяйка — русская, и цирлих-манирлих до крайности. Письмо может ей попасться, и мне придется отпаивать ее валерианом. Аля тоже склонен к словам на ж и на г и недавно прислал мне русскую открытку из Турина. Я похолодел, увидев его почерк, но, по счастью, все было больше о красотах природы.

До свидания. Низкий поклон Вашей супруге Анне Семеновне. Невзирая на проигрыш, готовьте утку, ибо я намерен быть в Париже 15—16 декабря.

Ваш Г. А.

32.

8/XII-56, Manchester

Ma chere petite Agnia!

Ежели буду жив, то d'accord буду у Вас на утке во вторник 18 декабря. Но насчет самой утки сомневаюсь, ибо страдаю печеночными неприятностями, чего прежде со мной не бывало. Надеюсь, пройдет.

Что Вы отдали Физу долг, то напрасно! Руманов когда-то сказал: «Я не уважаю людей, отдающих долги». Кроме того, это не лояльно в отношении людей, денег Физу не отдающих.

До свидания.

Кланяйтесь почтительно и дружески Вашей супруге, что, однако, при моем к Вам обращении получается слегка лесбосски. (Кстати, в «Лит. Газ.» помещены письма Бунина к Рощину, и в одном ей toutes lettres сказано: «Галочка (т. е. Галина Кузнецова) опять со своей стервой».)

Ваш Г. А.

P.S. Заклеил конверт, налепил марку, но, не щадя затрат, разрываю: получил только что «Весть».

Спасибо! Вид элегантный, содержание, верно, соответствующее. Но нахальная надпись будет учтена при составлении отзыва.

33.

12/II-57, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Спасибо за письмецо (2). На первое я Вам не ответил, считая, что это — акт вежливости благовоспитанного поэта после рецензии. Но на второе надо ответить, что и делаю немедленно. Очень рад, если моя статейка Вас удовлетворила — и так и сяк. Но я не подозревал, что сочиняю нечто гениальное. По-моему, она — как обычно из-под моего пера, а Вас восхитила, ибо Вы человек суетный и любите комплименты. Кстати, мне интересно, реагировал ли как-нибудь супостат Маковский, который Вас хотел учить поэтическому уму-разуму?

Насчет Гатовой: она просила устроить ей «реситали» в Англии, а я ничего не устроил, а вдобавок потерял ее адрес. Что Пушкин — поэт хороший, я согласен. Но я у него люблю стихи простенькие, а «Пророка» и все вроде — совсем не люблю. А вот Бунин перед смертью уверял, что нет на свете стихов лучше лермонтовской «Чинары» («Дубовый листок…»). По-моему, это сильно преувеличено и даже у Лерм. есть стихи гораздо лучше (впрочем …«омывает холодное море», в конце, действительно очень хорошо). Но что Пушкин, что Лермонтов! Читали ли Вы в «Нов. Журн.» стихи Madame Горской? Вот это гениально и по мысли, и по форме. Прочтите, если не читали!

О покере я мечтаю, но до него еще далеко. До всего далеко. Душа моя полна меланхолии и смятения.

Как все у Вас? Шлю сердечный привет и поклон Анне Семеновне. До свидания.

Ваш Г. Адамович

34.

3/X-57, Paris

Mes chers amis Анна Семеновна и Александр Самсонович!

Увы, увы, завтра уезжаю в Лондон, не побывав у Вас и даже не сразившись в покер. Объяснять, почему, отчего и как, долго. Здесь гостит моя сестра, которую я не видел un quart de siecle, и дело главным образом в этом. Надеюсь видеть Вас в декабре. А если напишете мне в Манчестер, буду рад несказанно и невыразимо. Адрес все тот же: 104, Ladybarn Road, Manchester, 14. До свидания. Уезжаю я с великой скорбью и такой же скукой.

Ваш Г. Адамович

35.

31/X-57, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Спасибо за письмецо, хотя оно было и ответное. Сколько раз я просил Вас воздерживаться в переписке от неподходящих слов, mais vous etes incorrigible! У меня русская хозяйка, крайне «тонная» и притом вроде Шпекина: мало ли что может получиться!

Но теперь я пишу вот о чем: Аля Бахрах мне сообщает о «несчастном случае» с Оцупом (с Ваших слов или Анны Семеновны). Что это? Пожалуйста, напишите. Я взволнован и литературно и дружески.

Надеюсь между 12—15 декабря прибыть в Париж. Подготовьте покер. Кстати, madame Dijour как будто на меня в претензии (по словам сына), но напрасно.

Вот помер Буров. И вообще люди мрут, как мухи.

До свидания, дражайший друг. Что делает notre Lida nationale? Кланяйтесь, пожалуйста, Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

36.

15/XI-57, Manchester

Дорогая Софья Юльевна!

Я начал читать книгу Горлина-Блох, довольно много уже прочел (это — не книга, которую достаточно «просмотреть»!), а сегодня получил «Н. Р. Слово», где есть заметка Вельмина. Вы, вероятно, ее уже видели.

В газете не полагается писать об одной книге дважды, в особенности о такой книге, где нет ничего сенсационного и злободневного. Но, конечно, можно passer outre, тем более что Вельмин написал коротко.

Однако я хочу — во избежание недоразумений — отложить свою статью, дать ее, скажем, в декабре. Надеюсь, что Вы возражать не будете.

Книга интересна, но для газеты в ней матерьяла немного, т. к. всяких древностей в ней касаться не стоит. Пушкин, Гофман, в России, Карамзин – это использовать можно. Кстати, о Карамзине, по-моему очень хорошо и верно, жаль только, что не кончено.

Я не совсем понимаю стихов Горлина, м.б. даже не читал их. Если они у Вас есть – и если это Вам не трудно, – будьте так добры, пришлите их мне, а заодно и стихи Р.Блох. Это мне дало бы возможность кое-что написать о них самих, поскольку по стихам можно понять человека. Но если трудно, хлопотливо – не надо!

Надеюсь через месяц или приблизительно быть в Париже. Шлю самый сердечный и искренний привет.

Ваш Г. Адамович

37.

30 ноября 1957, Manchester

Дорогая София Юльевна!

Спасибо, что сообщили мне о смерти Юлии Леонидовны. Меня поразило то, что Вы написали мне о ее предсмертном крике: от страха? Не знаю, м. б., и я сам буду бояться, но сейчас этот страх мне кажется удивительным. Именно — страх. Тоска, нежелание расстаться, оставить все, что здесь,– дело другое.

Я надеюсь быть недели через две в Париже. Не трудитесь, значит, пересылать мне сюда стихи Горлина — Блох. Не помню, встречал ли я у Вас ту Вашу кузину, которая скончалась. Если это та дама, возле которой я как-то сидел у Вас рядом за столом, в ней было что-то очень приветливое и милое. Но, м. б., не она? Во всяком случае, шлю Вам и С. Т-чу самое искреннее соболезнование. Кстати, мне бы хотелось вписать о Сазоновой (кажется, кроме Лифаря, напишет Маковский), но у меня совершенно притупилось «перо» от всех последних смертей и некрологов.

До свидания, дорогая София Юльевна, надеюсь, скорого.

Ваш Г. Адамович

38.

4/XII-57, Manchester

Cher ami г.Гингер!

Entendu: 18-го в среду я у Вас. Увидеть Анну Семеновну и Вас — для меня большое удовольствие, но сказать, что я заранее вкушаю с восторгом чтение m-me Шаховской, было бы легким преувеличением.

Однако — подчиняюсь, буду, если буду жив и здоров.

До этого, для отдыха душ, было бы хорошо сразиться в покер — например, в субботу или воскресенье до Вашего фестиваля. Надеюсь, Раевский с Котляром помирились, и комплект можно собрать полный. Я, вероятно, буду в Париже 12-го или 13-го, au plus tard. Так что если известите, но уже в Париж — 7, rue Frederic Bestiot. А пробуду я в Париже едва ли долго, м. б., куда-нибудь и уеду.

Получил вчера письмо от Яновского с фразой, из коей можно заключить, что померла Чекверша. Но не совсем ясно. Знаете ли Вы что-нибудь? И что же будет с русской поэзией, если да?

До свидания и надеюсь, a tres bientot!

Ваш Адамович

39.

31/I-58, Manchester

Cher ami г.Имбирев!

Получил Ваше письмецо (кстати, сухое и пустое).

Несмотря на бедность, я готов дать на операцию г-жи Червинской 5 т. франков. Но прислать их отсюда — не могу никак: строжайше запрещено.

Ежели буду жив, то буду в Париже между 20—25 марта. Буде деньги потребуются до этого срока, не признаете ли Вы возможным сделать взнос за меня? Уплачу немедленно по приезде. Ну а не можете, то напишите: я постараюсь устроить иначе. Я как раз вчера Червинской писал. Дело в том, что я занес ей 10 т. от Рейзини и просил прислать два слова в подтверждение. Она, конечно, ничего не прислала, а я хотел бы эту «расписку» Рейзини переслать. Но где он сейчас? Это одному богу известно. М. б., он дал бы и еще, хотя я в этом не уверен.

Как ваши дела вообще и в частности?

Низкий поклон Вашей супруге, Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

40.

20/II-58, Manchester

Дорогая Софья Юльевна!

Спасибо за письмо и стихи Горлина и Р. Блох.

О смерти Марии Веньяминовны я узнал из газет. Очень ее жаль, хотя у меня уже и было чувство в последнюю с ней встречу, что конец совсем близок. Получил письмо от Анны Мор. (в ответ на мое) с несколькими очень хорошими – и верными – словами о Вас. Чем-то ее, по-видимому, возмутил Маковский. Не знаю чем. Впрочем, м.б., я и не правильно понял ее неясные слова о нем.

Спасибо, что спрашиваете о моем здоровье. Ничего бывает и хуже, но не могу сказать, чтобы я окончательно вошел «в норму». При здешней ужасающей погоде это и нелегко.

До свидания, дорогая София Юльевна. Надеюсь после 20 марта быть в Париже и буду искренне рад Вас видеть.

Ваш Г. Адамович

41.

11/IV-58

Дорогая Софья Юльевна!

Шлю привет и поклон из Ниццы, куда меня неожиданно увезли в своем автомобиле друзья на следующий день после нашей встречи! Здесь холодно, но все-таки хорошо — т. к. солнце на месте. Надеюсь вернуться на будущей неделе и тогда Вам позвоню. А если Вы что-либо узнали относительно Ивановых и дома Ротшильда, будьте добры, напишите мне на парижский мой адрес (7, rue Frederic Bastiot, Paris 8). Они мечтают об этом доме и бомбардируют меня письмами.

До свидания, дорогая Софья Юльевна. Искренне желаю Вам всяческого благополучья.

Ваш Г. Адамович

P. S. Большая просьба: никому не говорите, что я в Ницце, чтобы это паче чаяния не дошло до иных местных жителей, которых у меня нет желания видеть!

42.

18/IV-58, Paris

Mon cher ami monsieur Ginger!

Вот 5 тысяч, о которых Вы изволили сказать, что «как своих ушей».

Вчера я о Вас говорил Вырубову (не актеру, а лицу важному), который хочет издавать книгу о Маклакове моего сочинения. Если он к Вам обратится (ce qui est loin d'etre sur) по этому делу, будьте почтительны и обстоятельны в справках. Он говорит, что в Германии все дешевле, но, м. б., будет печатать книгу и в Париже.

Уезжаю послезавтра, но надеюсь — не надолго.

Шлю поклон и заверение в неизменных чувствах Анне Семеновне.

Ваш Г. А.

43.

17/VII-58, Nice

Дорогая Софья Юльевна!

Спасибо за письмо, простите, что отвечаю с опозданием. Причина в том, что я «перегружен» спешными делами, а на склоне лет стал уставать быстро. Все думаю, что это временно, случайно, «так», но, очевидно, не «так».

Спасибо и за 5 т. от Марии Самойловны (я ей, конечно, напишу). Ивановым я сообщил, что они у меня есть, но жду их приказа переслать им или оставить у себя до встречи. В августе я, верно, к ним поеду. Всего собрано, значит, около 30 т., больше, чем я надеялся.

Насчет «Рифмы»: хорошо, что эта «буря» успокаивается. Я говорил Маковскому о третейском суде как о средстве все-таки более желательном, чем мордобитие (он все рвался именно в такой дословный бой) Но и третейский суд — позорище, совершенно ни к чему.

Читаю «Встречу» со смутными и глубокими (это не ко мне относится!) откликами. Прежде всего, tres humain, и притом naturellement humain, без признака позы Какой-то итог жизни, в сущности рано (для Вас) подведенной и с большой горечью, тем более горькой, что для автора как будто неожиданной. Но я еще не все прочел. Беда моя в том, что я читаю медленно, хотя мои «друзья» дружно утверждают, что я в лучшем случае книгу перелистываю или не читаю вовсе. А стихи читаю — вдвойне медленно, потому что это пища концентрированная. Статью напишу в начале будущей недели. А еще читаю Зурова: мне он совершенно не интересен, но я не могу не видеть, что это талантливый и настоящий писатель. Вина, значит, во мне .

Ваш Г. Адамович

44.

4/VIII-58, Nice

Дорогая София Юльевна!

Спасибо за письмо. Я очень рад, что статья моя о «Встрече» пришлась Вам по душе. Но, перечитывая ее, я все время думал: и этого не сказал, и тут не договорил и т.д. Впрочем, это история обычная, даже неизбежная. Я меньше понимаю (и разделяю) «муки творчества», чем муки авторского чтения самого себя.

Я был в Hyeres на похоронах Георгия Иванова. Она, «вдова»,— ей как-то не идет слово! – растеряна и недоумевает: что ей делать дальше? Показала мне записку, оставленную Жоржем, для распространения после его смерти. Он, по ее словам, предназначал ее для печати. По-моему, печатать в газетах ее нельзя, и она, Ирина, с этим согласилась.

Я Вам ее списываю и прилагаю. Что, по-Вашему, можно с ней сделать? Мне записка не очень нравится по тону, но это вопрос другой и значения не имеет. Ирина хотела бы ее распространить, **главное** – она мечтает уехать в Америку и ей обещан даровой билет. Но кроме билета нужна виза, affidavit (даже если на время – 6 месяцев, «а там видно будет») и т.п. Я сейчас ее делами немножко занимаюсь и хотел бы знать, как Вы относитесь к мысли об Америке и кто и как мог бы в этом деле помочь и содействовать? Друзей у нее мало, и она это знает, что растерянность ее и увеличивает.

Простите за все эти скучные вопросы. Но я уверен, что Вы поймете мое желание для этого сумасбродного и, в сущности, милого существа что-то сделать. Надеюсь дней через 10—12 быть в Париже, а пока шлю самый дружеский и сердечный привет.

Ваш Г. Адамович

Благодарю тех, кто мне помогал.

Обращаюсь перед смертью ко всем, кто ценил меня как поэта, и прошу об одном, позаботьтесь о моей жене, Ирине Одоевцевой. Тревога о ее будущем сводит меня с ума. Она была светом и счастьем моей жизни, и я ей бесконечно обязан.

Если у меня действительно есть читатели, по-настоящему любящие меня, умоляю их исполнить мою посмертную просьбу, завещаю им судьбу Ирины Одоевцевой. Верю, что мое завещание будет исполнено.

Георгий Иванов

45.

20/VIII-58, Nice

Дорогая Софья Юльевна!

Спасибо за письмо. Надеюсь, что Швейцария и санатория быстро и окончанию восстановят Ваши силы. Я никогда не был в Швейцарии, но инстинктивно чувствую, что для поправки лучшего места не сыщешь! Не то что здесь, где жара и толпы туристов. Я люблю Ривьеру, но отдыхать здесь трудновато.

Третьего дня отослал Водову статью о «Встрече». Простите, что так поздно. Помимо моей обычной летней «депрессии» и размягчения мозга у меня нелады с глазами, и здешний доктор, будто бы «светило», мне запретил читать и писать или по крайней мере на месяц-два свести это к минимуму. Писать с закрытыми глазами я еще могу, но читать не научился!

Был недели две назад у Ивановых в Hyeres. Совсем плохо, но сколько это может тянуться — неизвестно. Книгу Вашу я читал внимательно и многое в ней уловил для себя неожиданного. Я не верю в Ваш пессимизм, т. е., вернее, в общее Ваше отталкивание от мира. Вы — один из тех людей, которые должны сказать: мне плохо, но, если кому-нибудь и где-нибудь хорошо, этого достаточно для оправдания жизни! Я пишу сейчас невнятно, да, пожалуй, и в статье написал о том же не совсем ясно, но, по-моему, именно в этом Ваша тема или то сталкивание двух тем, которое есть во «Встрече».

Насчет «Рифмы», кажется, сведения лучше, т. е. спокойнее. Но произошла какая-то перепалка Маковский — Померанцев в новом варианте. «Так было, так будет». Chacun s'amuse a sa maniere.

Moi je m'amuse a la рулетка, сначала удачно, а теперь — полукатастрофически. Но это в порядке вещей, и тоже «так было, так будет».

До свидания, дорогая София Юльевна. Шлю вам самые искренние пожелания здоровья и благополучия.

Ваш Г. Адамович

46.

7/XI-58, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Как изволите поживать, Вы и Анна Семеновна? Как здоровье, дела, настроение, покерные доходы?

Кстати, я послал иголки Р. Григ и не знаю, получила ли она их. Но этого Вы ей не передавайте, я ведь знаю, что ей писать трудно, а выйдет, как будто жду благодарности и ответа!

Мне сильно (и заочно) надоел Пастернак. Романа я не читал, пока не выйдет русское издание, читать не стану, но надоел гвалт, поднятый вокруг, и то, что одни говорят: «Война и мир», а другие: «нет, это не «Война и мир»! Я думаю, что, скорей, нет.

Что наша Lida nationale?

И знаете ли Вы, куда ей можно написать? Я, уезжая, обещал написать, она какой-то адрес мне дала, но я все забыл.

А засим кланяюсь и шлю заверение в нерушимо-преданно-верных чувствах. Правда.

Пожалуйста, если будете мне писать, не пишите глупостей и сальностей, в особенности по-русски. Я сильно подозреваю свою хозяйку в любопытстве, как у Шпекина, и не хочу быть по Вашей вине выгнанным из дому. А хозяйка – русская, т. что призываю к благопристойности.

Нижайший поклон Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

47.

17/XI-58, Manchester

Cher ami Александр Самсонович!

Получил Ваше письмо и отвечаю немедленно.

Чувствую и знаю, что нужны деньги, а не советы. Но без советов и денег может не быть.

По-моему, 1) не может ли Софья Юльевна похлопотать в ротшильдовском госпитале (кажется, есть оный), чтобы все сделали даром или хотя бы дешево? У нее, наверно, есть там связи. Это было бы самое нужное и самое лучшее. С. Ю. к Лиде хорошо относилась, и вообще она человек понимающий, где — капризы и выдумки, а где действительно надо что-то, но сделать.

2) Деньги? Вы пишете, что речь идет о шестизначных числах. Единственный человек, способный хотя бы на пятизначное,— Б. Ю. Физ, Лидин экс-друг. Ничего и никого другого не вижу. Можно написать в Лит. Фонд: через месяц пришлют 20—25 долларов, et ce n'est pas sur! Можно написать Кодрянской — будет 10 долл. Это все не то. На крайность можно собрать кое-что в Париже, но гроши. Знаете сами! Рейзини где-то витает. Если я его увижу на Рождество, то могу у него взять тысяч 10, но и это в лучшем случае, и без гарантии. По-моему, SOS (если хотите с несколькими подписями, но едва ли это нужно) должен быть обращен к Физу, а мелочь разная — потом в добавку.

Что у нее, какая болезнь или какие подозрения насчет болезни? Какая операция? На крайность и в обычную парижскую больницу можно лечь. Сразу денег не требуется, а потом можно сослаться на отсутствие дохода, подтвержденное бумажкой от percepteur'a. Я знаю такие случаи.

Все это советы, а Вы скажете: bla – bla – bla. Совершенно согласен. Если бы я был Физом, ответ был бы другой. В общем сборе я, конечно, участвовать опять буду, если Вы его сделаете, но по Вашему письму — надо скоро и много.

До свидания. Надеюсь через месяц быть в Париже. Меня спрашивал о Лиде Бахрах, и я посоветовал ему узнать о ней у Вас. Он на днях будет в Париже и, верно, сюсэптибль что-нибудь в сбор внести.

Как все у Вас? Искренний поклон Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

Читал вчера главу «Живаго» (в «Н. Журнале»). Ничего, кое-где, il a comme des eclairs, но немало и «передвижничества», для П. неожиданного. Он, верно, искренне надеялся, что его напечатают в СССР и подгонял к этому фактуру. Говорят, это

«Война и мир»: чтобы да, так нет.

Не зная о болезни Лиды, я в письме к Вырубову советовал ему взять ее для маклаковской книги в качестве арбитра изящества и вкуса. Жаль, ей был бы маленький доход.

48.

23/II-59, Manchester

Cher ami, дорогой Александр Самсонович!

Целый век ничего о Вас и Анне Семеновне не знаю. Впрочем, по своей вине, т. к. первым писать должен уехавший. Как живете, как всё? Получил вчера письмо от Лиды: операция, нищета, страхи и т. д. Если знаете о ней что-нибудь, т.е. будете знать, как прошла операция, пожалуйста, сообщите.

Делаете ли Вы уже корректуру Кодрянской? С ней Вам, при Вашем педантизме, будет немало трудов, т.к. знаки у нее фантастические, даже для такого фантаста, как я.

Были ли на лекции Мейера о Случевском? Я о ней знаю стороной и по пренебрежительной заметке Шика в «Р. Мысли». Но Мейер — далеко не дурак, хотя черносотенец, а к Случевскому питаю глубокий решпект. Теперь внезапно прославился Кленовский, нечто вроде усовершенствованного Маковского (но очень сильно).

Как убытки в покер? Между 20-30 марта я буду, – е.б.ж. – в Париже, это насчет собачьего покера. А в апреле мечтаю о Ницце, и если не проиграюсь, то поеду.

До свидания. Шлю лучшие чувства и низкие поклоны Анне Семеновне (как здоровье?) и Вам.

Ваш Г. А.

49.

29/IV-59, Manchester

Mes chers amis Анна Семеновна и г-н Гингер!

Только что читал «Опыты» (все откладывал, будучи обременен делами) и хочу выразить удовольствие, и даже больше от стихов А.Семеновны. Очень хорошо. В особенности первое. Как-то тверже, уверенней, значительнее, чем бывало прежде. Недаром я всегда думаю, что человек неизменно пишет «все лучше и лучше» почти без исключений (Бальмонт не исписался к концу жизни, а всегда писал черт знает как)

Также и удовольствие от г-жи Нагаго. Много чрезвычайно «тонкого» и верного. Только в нашем быту, и при преобладании ослов, вроде Аронсона,— «кому это интересует»?— «Опыты», по-видимому, кончаются, и очень жаль. В «Н. Ж.» для Нагаги места не будет.

Одно возражение: это мужская статья, а не женская, и женский род звучит в ней фальшиво. Если бы «молодая девушка» долго стояла и глядела на молодцев работавших в лесу, то кончилось бы тем, что они отпустили бы по ее адресу такое словцо, что вся зардевшись, она убежала бы. Это у Агнии невозможная картина

50.

19/V-59, Paris

Cher ami Александр Самсонович!

Караул! Вторник невозможен! Я забыл сказать Р. Г-не, что это единственный вечер, когда я занят.

A partir de воскресенья любой вечер, кроме вторника. Буду ждать Вашего приказа – и простите за хлопоты по устройству.

Искренний привет Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

51.

19/II-60, Manchester

Дорогая София Юльевна!

У меня уже давно новый адрес, но, вероятно, я забыл его Вам дать. Оттого письмо Ваше задержалось.

Спасибо за все, что в нем сказано. Письмо это доставило мне и радость, и удовлетворение — два чувства, не совсем схожие. Хотя я книгу о Маклакове писал наспех и не всегда все договаривал до конца, все-таки во всякое писание попадает что-то «свое». Поэтому Ваш отзыв и был мне дорог. Я давно знаю, что у Вас очень верных слух. И даже догадки, как будто между строк,— тоже верные.

Водов писал мне о толстовском вечере и о том, что Вы советуете устроить его с французами. Я лично решительно против этого. Во-первых, французы окажутся второсортные, а во-вторых — и это главное! — если даже Толстого мы не можем почтить в своем кругу и своими силами, то, значит, окончательно пора «закрывать лавочку».

Сегодня утром с недоумением читал в «Р. М.» статью Левина о Есенине. Что за вздор, безвкусица и болтовня! Кто это? Не могу понять, как мог Водов это напечатать, да еще в двух больших подвалах. Обратили ли Вы внимание на этот шедевр?

Да, о книге Пиотровского: мне кажется, что должен бы сначала написать Терапиано, т. к. он теперь — присяжный критик и, вероятно, обидится, если его обойти. А потом мог бы написать и я, и вышло бы даже хорошо для книги, что о ней два отзыва. Или я мог бы написать в «Н. Р. Слове». Qu'en elites vous? А где книга Н. Владимировны, обещанная на январь?

До свидания, дорогая София Юльевна. Шлю низкий поклон и лучшие пожелания.

Ваш Г. Адамович

52.

28/II-60, Manchester

Дорогой рядовой член Александр Самсонович!

Как живете? Как здоровье Анны Семеновны? Целый век ничего о Вас (написал «от») не знаю. Впрочем, кое-что знаю от Бахраха, который Вас, очевидно, посетил. Пожалуйста, напишите, как и что. Но помните, что хозяйка моя — русская (как и консьержка в Париже), и не пишите непристойностей и глупостей. Это я Вас серьезно прошу, и уже не в первый раз! Хозяйка моя имеет свойства Шпекина, тем более надо быть осторожным, хотя я и не уверен, что Вы по-малокультурности знаете, кто был Шпекнн и чем занимался.

Кстати, о письмах: не так давно в «Н. Р. Слове» был список полученных писем и было одно «для г-жи Анны Присманн». Не для Вашей ли это супруги?

Наша дура nationale едет, по слухам, в Мюнхен. Я очень за нее рад, но боюсь, что она там будет вести себя, как в Париже, т. е. глупо. Я ей написал отеческое внушение на всякий случай, но едва ли оно подействует. Не знаете ли Вы чего-нибудь о Диане, жене Оцупа? Я должен был в течение февраля приготовить сборник и написать предисловие, для чего просил ее прислать мне весь матерьял. Но она умолкла и не прислала ничего. По моим предположениям, она обижена, что я у нее не был перед отъездом, а ограничился письмом. Но может быть, с ней что-нибудь произошло? Если можно, наведите справки, но деликатно.

После 20-го надеюсь прибыть в Париж. Это на предмет покера и собачьего дома. Можете устроить уже около 22—23, если есть охота. У меня есть. Засим до свидания. Кланяйтесь, пожалуйста, с лучшими пожеланиями Анне Семеновне.

Ваш Г. Адамович

53.

6/VIII-60, Nice

Дорогая София Юльевна!

Надеюсь, письмо мое еще застанет Вас в Париже. Спасибо, что вспомнили, написали, и даже сообщили парижские новости (вернее, что новостей нет). Знали ли Вы Одарченко? Это был человек трудный, но умный и по-настоящему даровитый. Могло бы из него выйти многое, а не вышло почти ничего, если только не осталось каких-нибудь рукописей.

Хочу ответить Вам на Вашу последнюю фразу: «никаких иллюзий, я продолжаю жить и действовать, как будто все в порядке». У Вас редко — не в пример другим, «жалующимся»,— прорываются такие признания, разве что в стихах, да и то между строчками. Но какие же возможны иллюзии? Меня когда-то на всю жизнь поразила строчка Alfred de Vigny:

Il est bon et salutaire de n'avoir aucun expoir.

В глубине души я еще как-то espoir храню, сам не знаю, на что. Но il est bonet salutaire жить именно так, будто все в порядке, зная, что все идет к черту. Если к Вам люди тянутся, т. е. Вам верят, вспоминают о Вас в тяжелые минуты (и вовсе не только в расчете на практическую помощь), то именно потому, что Вы держитесь, «будто все в порядке» и должно быть в порядке. Пожалуйста, продолжайте быть такой, а кто знает, м. б., в конце концов окажется, что Вам за это воздастся.

Простите за философию и туман. От души желаю Вам хорошо провести в Швейцарии время. А если оттуда напишете, буду искренне рад.

Ваш Г. Адамович

54.

24/X-60, Manchester

Дорогая София Юльевна!

Спасибо за память и письмо. Вы пишете, что покойный Аркадий Веньяминович хорошо ко мне относился. Я тоже его любил. В нем был «шарм», был ум и какая-то особая приветливость. Он, м. б., даже преувеличивал ее, но всегда умел внушить, что в данном случае она искренняя. Очень его жаль. Я рад, что на похоронах были, как Вы пишете, «все». Этих «всех» так мало осталось, что можно их счесть по пальцам. Сегодня объявление о смерти Кирилла Вильчковского. Это — Елита или кто-нибудь другой? (Продолжаю другим пером — Вашим. В том нет больше чернила.) Меня взволновали цитаты из Толстого («Воскресение»), некстати сделанные Терапиано. По горячим следам я написал и ему, и Водову. Теперь знаю, что взволновался и Вырубов. Я вовсе не сторонник замалчивания взглядов Толстого на церковь, но не к чему выхватывать отдельные строчки будто для того только, чтобы дразнить людей. Не говорите, пожалуйста, Терапиано об этом, но, правда, это было неуместно рядом с объявлением о вечере. Я вспомнил Милюкова: «глупость или измена?» Скорее первое.

Мне очень понравились Ваши стихи в «Мостах», особенно третье, и дважды особенно — четвертое (Время ждать — время бороться). Но в самих «Мостах» мне что-то не нравится, хотя я сам не понимаю, что именно.

До свидания, дорогая София Юльевна. Шлю поклон, привет, лучшие пожелания.

Ваш Г. Адамович

55.

20/XI-60, Manchester

Дорогая София Юльевна!

Спасибо за извещение о смерти Анны Семеновны. Я чувствовал и видел, что она больна. В ней бывало притворство, но **это** притворством быть не могло. Померанцев написал некролог суховато, но привел действительно прекрасное стихотворение из «Соли», которого я не помнил.

Вы пишете, что Гингер подавлен и растерян. Он человек не простой, не «на ладони», но я надеюсь, что когда первоначальная растерянность пройдет, он оценит свободу, которой при ней у него было мало. У Пушкина «последний ключ» – забвение. Нет, пожалуй, свобода, примиряющая почти со всем. Mais on ne voit jamais (т. е. в случае с Гингером).

Надеюсь Вас увидеть на толстовском вечере. Меня удивляет, что в газетных заметках не упомянут Зайцев как председатель. Неужели он отказался – или о нем забывают? И то и другое достаточно маловероятно. Вырубов продолжает кипеть против Степуна, приписывая ему все новые грехи. Я приеду в Париж на 1 1/2 дня, а потом дней через десять — на рождественские каникулы, как обычно. Надеюсь, дорогая София Юльевна, Вы здоровы, благополучны, а если из-за чего-либо волнуетесь, то, как всегда, из-за чужих бедствий и невзгод в качестве общелитературной mater dolorosa.

Ваш Г. Адамович

56.

12/II-61

Дорогая София Юльевна!

Спасибо большое за письмо и за парижские новости.

Меня огорчает и почти возмущает, что Вера Ник. «бойкотирует» юбилей Зайцева, при всей ее доброте в ней есть что-то жесткое, dur,— и это тут сказалось. А если она думает, что этим верна памяти И. А-ча, то это просто-напросто глупо. Но объяснить ей это невозможно. Мне, кстати, искренно жаль, что я на этом юбилее не буду. Нас всех осталось так мало, что надо бы держаться сплоченнее и даже бережнее.

Диане я — вопреки Вашему совету — не написал. Бог с ней! Ради памяти Ник. Оцупа, с которым мы в последние годы разошлись, я не хочу выказывать ей никакого недовольства. А рукопись предполагавшегося предисловия у меня есть, т. что когда-нибудь — после выхода книги — я ее напечатаю. Перечитав ее, я снова убедился, что она вполне доброжелательная. Но, по-видимому, Диана ждала преувеличенных, пусть и не искренних восторгов.

Но где эта книга? Когда же наконец она выйдет?
На днях с интересом стал читать книгу д-ра Вербова. Это, м.б., и не совсем «литература», но по-настоящему интересно, как жизнь, опыт, наблюдения и т. д. Но мое старое недоверие к медицине от чтения еще усилилось.
Спасибо за память и дружбу, дорогая София Юльевна. От души желаю Вам благополучия — всяческого.
Ваш Г. Адамович

57.

28 мая 1961, Manchester

Дорогая София Юльевна!

Шлю низкий поклон и самый искренний привет из холодного, серого Манчестера. Как Вы живете, что нового «в городе и свете»? Был бы очень рад получить от Вас несколько слов. Но если Вам писать не хочется, не затрудняйте себя. Я знаю по опыту, что иногда пишешь письмо, чтобы «отделаться», «соблюсти приличие» и т. д., а рассказывать ни о себе, ни о других нет желания. Надеюсь, впрочем, что Вы в настроении менее мизантропическом, чем случается это со мной, и от души шлю лучшие пожелания.

Ваш Г. Адамович

58.

22 авг. 1961, Nice

Дорогая София Юльевна!

Спасибо за письмо — и за парижские новости, впрочем, не веселые и даже не «новые». Очень рад, что Вы не оставили мысли о вечере Присмановой. Я недавно получил несколько слов от Гингера, с Корсики, непривычно для него лирически-меланхолических. Думаю, что вечер был бы ему приятен (если нет, то, конечно, не стоит его и затевать!).

В Вашу «депрессию» даже с приставкой «почти» мне не верится. Je ne vous vois pas в унынии и упадке духа — или если бы это случилось, то пришлось бы в самом деле признать, что наступили последние времена. Давайте заключим союз, что они еще только предпоследние, и будем насаждать бодрость, оптимизм и хорошее настроение? Я готов быть секретарем («мой секретарь»!) при Вас, председательнице.

Шлю лучшие пожелания, самые искренние.

Ваш Г. Адамович

59.

23 янв. 1962, Nice

Дорогой друг, член!

Спасибо за карточку, подписанную именем Одоевцевой. Если бы она знала, то возмутилась бы употреблением ее громкого имени «всуе». Проиграли ли Вы, выиграли ли на Монпарнасе — осталось мне, по причине Вашего витиеватого слога, неясным.

Зато Вам, надеюсь, будет ясно следующее: придя в Casino, я первым делом отправился к дешевому рулеточному столу и поставил по 200 франков на 17 et les chevaux, т. е. всего 1000 франков.

Вышел номер **8,** коего признать швалем по отношению к 17 администрация отказалась, как я ее о том ни молил.

Итак, Вы (или пока и я) потеряли 1000 франков.

Больше новостей нет. Крепко жму Вашу руку, дорогой мэтр.

Ваш Г. А.

60.

13 февр. 1962, Nice

Cher ami!

Спасибо за карточку.

Моя хозяйка, читающая по-русски, передала мне ее в великом недоумении и даже в подозрении, не получаю ли я условный шифр.

Должен Вам сообщить, что № 17 выходит действительно часто. Но я на него не ставлю, а ставлю на 26-й, который выходить не склонен. Результаты плачевны очень. И вообще жизнь — пустая и глупая шутка.

Если не произойдет ничего неожиданного, я прибуду в Париж 27-го утром, во вторник.

Одоевцева приглашается мне протелефонировать, т. к. я, издержавшись в дороге, буду экономить.

A bientot, n'est ce pas?

Ваш Г. А.

61.

21/VII-1962, Nice

Дорогая София Юльевна!

Шлю привет и низкий поклон из Ниццы.

Как Вы живете и себя чувствуете? Очень был бы рад получить от Вас несколько слов. Вспоминаю с удовольствием наши завтраки и надеюсь на их продолжение осенью. Ничего особенного сказано как будто не было, а в памяти остался след.

Ваш искренне Г. Адамович

62.

5 авг. 1962, Nice

Дорогой шер ami (как пишет Бахрах).

Где Вы и что Вы? Живы ли? Вернулись ли с вакансов? Очень был бы рад и польщен получить от Вас «весточку». Я намерен числа 15-го прибыть в Париж. Где наша старуха? Собиралась в Мюнхен, но не знаю, собралась ли.

Пожалуйста, напишите, т. е. не о старухе, а вообще.

Ваш Г. А.

63.

5 августа 1962, Nice

Дорогая София Юльевна!

Думаю, что Вы уже в Париже и довольны своими каникулами, превратились ли в Анну Павлову или нет. Я надеюсь вернуться дней через 10, maximum 12. Жара здесь продолжается, так что я мечтаю о парижском дождичке и даже мгле. Получил от Ермолова грустное известие о кантине, где мы с Вами завтракали: повар, Иван Семенович, очень болен, по-видимому, рак. Жаль и его, жаль и кантину, которая без него, наверно, захиреет. Пора бы привыкнуть к почти непрерывным исчезновениям и потерям, а все-таки это трудно. Вы, вероятно, знали П. А. Бобринского? Его смерть меня очень поразила, а может быть, еще больше — смерть Е. Ник. Штром, бывшей dactylo из «Посл. Нов.», о которой Аминадо писал:

И наша Ляля-машинистка,
Не машинистка, а птифур

Это был редкостно милый человек, и еще совсем молодая. Статью Рафальского (Вы о ней мне писали) я получил совсем на днях, начал читать, увяз и бросил — как, впрочем, со мной теперь случается при попытке чтения 99% газетных произведений.

До свидания, дорогая София Юльевна. Надеюсь, a bientot!

Ваш Г. Адамович

64.

15 авг. 1962, Nice

Дорогая София Юльевна!

Очень рад был получить от Вас несколько слов из Швейцарии. Надеюсь, Вы хорошо проводите время, хотя Вас, по-видимому, и кормят больше травой и воздухом.

Здесь на редкость жаркое лето. Даю себе слово не приезжать сюда впредь раньше конца августа. Толпы туристов, духота и все прочее в этом роде; вот я и недоумеваю, что мне здесь делать?

Шлю наилучшие пожелания, самые искренние.

Ваш Г. Адамович

65.

1963, Munchen

Дорогая София Юльевна!

Шлю привет и поклон из Мюнхена, серого, холодного и мокрого. Не знаю, бывали ли Вы здесь. Город, по-моему, довольно унылый, без той легкости, которая есть даже в самых убогих французских городах. Но «люди живут и в Сибири», по Некрасову, а здесь все-таки не Сибирь. Если напишете, буду очень рад и благодарен. Как дела в Париже — «нашем» Париже, конечно? От души желаю Вам всяческого благополучия, всего, что можно.

Ваш Г. Адамович

Не знаю еще своего постоянного адреса. Пока живу в отеле, но жду квартиры.

66.

22 мая 1963, Munchen

Cher ami господин Гингер!

Шлю нижайший поклон из Мюнхена прилагаю палочку от здешнего мороженого. Их, по-моему, можно использовать, чтобы указывать игрокам – «фюмье» место за покером.

A part cela ничего. Работа средняя, все очень милы, но я предпочел бы быть в Париже. Бахрах и Лида Ч. на месте и по мере сил меня развлекают.

La main и всякие чувства. Адрес мой на обороте.

Затем «всего»!

Ваш Г. А.

Если соблаговолите написать, не пишите глупостей по-русски и сообщите адрес Котляра, т. к. это обидчивое полу-фюмье просило «прислать весточку».

67.

13 июня 1963, Munchen

Дорогая Софья Юльевна!

Как живете? Как себя чувствуете? Я в мюнхенском своем одиночестве (хотя и шумном, но все-таки одиночестве, и даже тем более одиночестве!) вспоминаю парижских друзей — и, значит, вспоминаю Вас. Не думайте, что это только слова. На склоне лет человек, очевидно, становится чувствительнее, чем был, а главное — проницательнее и лучше разбирается в жизни и людях. Passons, не буду Вас занимать философией!

Здесь промелькнул Водов, впрочем, он и сейчас еще здесь. «Мосты» неожиданно спасены от смерти Чинновым, будто бы доставшим деньги в Америке. Но это еще не совсем верно, могут быть и разочарования. Водов мне сообщил ужасную новость: Люб. Ал. Полонская (сестра Алданова, знаете ли Вы ее?), по словам Зайцева внезапно ослепла. Я с ней был в дружески отношениях. Если Вы что-нибудь об этом слышали, будьте добры, сообщите мне. Я не хочу Полонским писать, пока не знаю ничего точно.

Как прошел вечер Маковского и какие «прогнозы» к вечеру Терапиано? Бедную Одоевцеву обокрали! «Le monde» est essentiellement cruel», как утверждает Сартр. На 99% он прав, но, к счастью только на 99.

Шлю Вам, дорогая Софья Юльевна «лучшие чувства», по формуле того же Зайцева, правда лучшие,— и от души желаю всяческого благополучия.

Ваш Г. Адамович

68.

4 июля 1963, Munchen

Дорогая София Юльевна!

Спасибо за письмо. Я не уверен, моя заметка об Анне Мор. придется по душе ее дочери. Но мне трудно было написать иначе, т. е. о том, чего не было. В газете ее глупо поместили, среди «ушедших» – будто «ушла» она только на днях.

Мой Мюнхен touche a sa fin. Думаю быть в Париже между 15 и 20 июля. Мне здесь мало что нравится, т. что уеду я без сожалений и вздохов. «Мосты» будто бы воскресают, но едва ли надолго.

Надеюсь позавтракать с Вами около 20-го («я Вас завтракаю») и буду очень рад поговорить с Вами, как водится, обо всем и ни о чем. До свидания, дорогая София Юльевна.

Ваш Г. А.

69.

21 авг. 1963, Nice

Cher ami monsieur Ginger!

Если Вы в потоке беспомощных пошлостей, носящих название «Страдание старого Вертера», обнаружили 4 неплохих строки, то это признак, что у Вас мало терпения. Я стал читать этот опус в кровати, на ночь, и разозлился настолько, что утратил сон. Даже такое г…о, как Анненский, лучше, и даже Адамович лучше.

A part cela, ничего. Желаю здравствовать на острове. 17-й больше не выходит, но 29-й блещет и отличается. Я вращаюсь в кругу знаменитостей, вроде Терешковича и Леонида Лифарчика.

Ваш Г. А.

70.

23 авг. 1963, Nice

Дорогая София Юльевна!

Я удивился, получив Ваше письмо из Швейцарии, т. к. думал, что Вы возвращаетесь в Париж. Желаю хорошо отдохнуть в этой санатории, набраться сил на зиму и на обычные Ваши парижские хлопоты. Здесь установилась прекрасная погода, жары и «след простыл». К Кларе Юльевне я непременно поеду — если это хоть сколько-нибудь может ей быть приятно. Получил книгу Дукельского (Vernon Duke): по– моему, развязные пошлости, но Гингер, кажется, другого мнения. По-моему, лучше уж писать, как покойная Яссен или как Зоя Симонова, чем с этим фальшивым блеском. До свидания. Шлю привет, поклон, лучшие пожелания. Очень был рад видеть Вас в здешних краях.

Ваш Г. Адамович

71.

28/ I-1964, Nice

Cher ami monsieur Ginger,

вспоминаю Вас под синим небом Ниццы, хотя ни 17-й, ни 29-й не выходят. Шлю поклон и привет. «Всего!»

Ваш Г. А.

72.

19/IV-1964, Munchen

Дорогая София Юльевна!

Шлю низкий поклон и сердечный привет из Мюнхена. Погода лучше, чем в Италии или на Ривьере, mais ca ne durera pas. Вчера был на междусобойчике у Галины Кузнецовой и вспоминали Вас. Она очень мила, т. е. естественно мила, без подделки. О Зурове говорит с какой-то опаской и тревогой. Как Вы живете? Надеюсь, Вас не очень угнетают просьбами, устройствами, заступничеством и прочим в том же роде. Иначе я в самом деле учрежу (учрежду? — вдруг нашло затмение) «охраны С. Ю. П.» с Лифарем председателем.

До свидания, буду очень рад, если напишете.

Ваш Г. Адамович

Я живу пока в отеле, м. б., получу квартиру. Писать лучше: Radio Liberty. Russian Desk. Lilienthalstrasse 2, Munchen 19

73.

23 мая1964, Munchen

Дорогая София Юльевна!

Спасибо за письмо. Конечно, Бабенко дать мой адрес можно. Я это имя знаю, но не помню от кого. У меня к Вам просьба, тоже об адресе: адрес Трубецкого. Я ему ответил на письмо, полученное очень давно, а письмо мое мне вернули (я адресовал на Oppelner St. 210/3— очевидно, ошибочно). С удовольствием и удивлением от неожиданности читал книгу Мамченко: много совсем хорошего, такого, какого прежде у него не было. Он вырос и окреп. Вы не напрасно трудились над этой книгой: она стоит того. Гингер отзывался скорей пренебрежительно, т. е., мол, больше хороших чувств, чем хороших стихов! — и я с ним, по старой памяти о Мамченко, соглашался. Но он не прав и, думаю, книжки не читал. До свидания, дорогая София Юльевна. Примите мое соболезнование и сочувствие в связи с вечером Терапиано. Грустно то, что даже спасибо сердечного не скажет русский народ.

Ваш Г. Адамович

74.

26/VII-1964, Nice

Дорогая София Юльевна!

Как живете? Как Ваше здоровье и скоро ли Вы поедете отдыхать и лечиться? Здесь было нестерпимо жарко. Теперь чуть-чуть лучше, но только «чуть-чуть». Провожал Гингера на пароход в Корсику: он теперь в лагере «нудистов»! Cest tout a fait lui. Буду очень рад, если напишете несколько слов. Поберегите себя, дорогая София Юльевна! Будьте к себе внимательны хотя бы так же, как к другим.

Ваш Адамович

75.

22 авг. 1964, Nice

Дорогая София Юльевна!

Очень был рад получить Ваше письмо – и рад тому, что Вы не в Париже, а в «Ligniere». Надеюсь Вас видеть в конце сентября, забывшей о всяких недомоганиях.

Здесь после нестерпимой жары настала наконец чудесная, почти прохладная погода. Шлю самый сердечный привет, лучшие пожелания. Кланяйтесь, пожалуйста, Борирсу Юльевичу, если он с Вами.

Ваш Адамович

76.

23 авг. 1964, Nice

Дорогая София Юльевна!

C'est encore moi! Моя «хозяйка» M-me Heyligers чувствует себя очень усталой в очень бы хотела провести недели 2—3 в Ligniere. Она знает это место. Сегодня она пишет в дирекцию: есть ли комната, какие условия? А я пишу по ее просьбе Вам. Если комнат мало, м. б., Ваше заступничество оказало бы действие. Ей хотелось бы поешь теперь же, по получении ответа.

Простите, что надоедаю.

Ваш Г. Адамович

77.

29 авг. 1964, Nice

Спасибо, дорогая София Юльевна, что исполнили мою просьбу. M-me Heyligers тоже просит передать Вам искреннюю благодарность. Она нашла комнату в каком-то другом швейцарском maison de repos и едет туда. Здесь опять Сахара, но в Париже, кажется, еще хуже. Надеюсь, это не будет долго длиться. До свидания, до очередного «графского» завтрака!

Ваш Г. Адамович

78.

10 дек. 1964, Nice

Дорогая София Юльевна!

Шлю сердечный привет из Ниццы, куда добрался благополучно. Погода прекрасная, но «гулять» мне еще трудно, хотя доктор и советовал это. Очень жалею, что не видел Вас перед отъездом. Спасибо за все Ваше внимание, за доброе отношение. Буду очень рад, если напишете несколько слов. Надеюсь, Вы здоровы и бережете себя (на второе, впрочем, не очень надеюсь, зная, что Вы в этом отношении неисправимы!).

Ваш Г. Адамович

79.

14 дек. 1964, Nice

Дорогой шер-ами (как пишет Бахрах), спасибо за карточку. Продолжайте обыгрывать полу-fumier. Я — ничего, «как-то так все». Погода «на ять», а в душе моей темно. Сегодня встретил Мансурова, который в сентябре заболел здесь тем же, что я (приблизительно), и до сих пор ходит аллюром черепахи, и с палкой. Как Ваш простат? С. Ю. очень им (или ей) обеспокоена. Надеюсь на продолжение интеллектуальной переписки.

Ваш Г. А.

80.

18 янв. 1965, Nice

Cher ami!

Как Ваше здоровие? Софочка сообщила мне, что Вы «невыносимы», никого не слушаетесь, никаких лекарств не принимаете и ходите на морозе в своей размахайке, возбуждая ужас в прохожих. «Клим, опомнись!» (это из «Клима Самгина», г-на Горького). Я возмущен не меньше Софи. Что же это в самом деле! Прошу ответить. Но не на av. de la Victoire (впрочем, я думаю, что вы эту Victoire выдумали, дабы оправдать свое нерадение).

Ваш Г. А.

81.

15 марта 1965, Paris

Дорогой Александр Васильевич!

Comment allez vous? Я Вам не пишу – и Вы мне не пишете, хотя Madame du Chick хвастается, что получает от Вас письма – «и очень длинные» — чуть ли не каждый день! Знаю я о Вас от нее и немножко от Софочки, коя, находясь в Cannes, все же имеет о Вас сведения.

Если Кодрянские меня к Вам свезут, то я позволю себе Вас навестить, с конфетами для инфирмиерок. Но не знаю, свезут ли. Они, кажется, сами у Вас еще не были. Еще мне звонил Котлярчик, больной и жаждущий «встретиться» не знаю для чего. Будто бы так, для разговора. Но о чем может с ним быть разговор? Я постараюсь уклониться. Так как я человек ученый и в медицине сведущий, то прошу Вас точно и дельно, без фиоритур, мне написать: что у Вас нашли в результате бесчисленных анализов? Какие именно делали анализы? Что у Вас задето, легкие или les voies urinaires? (О последнем я думаю в связи с Софочкиными намеками на простат.) Есть ли до сих пор жар? Какой пульс, и не только пульс, но и tension?

О себе писать не желаю. Я до сих пор полуразвалина и не знаю, лучше ли это, чем быть полу-fumier. Пожалуй, хуже.

До свидания. Шлю приветы и пожелания. Если паче чаяния Вам писать трудно, то не пишите. Я человек, привыкший к равнодушию и безразличию.

Ваш Г. А.

82.

10/IV-1965

Cher ami Александр Самсонович, при сем 500 fr., Вами усиленно требуемые. Сегодня в «Р. Мысли» объявление о подписке на Вашу книгу. Но если кто пошлет mandat, то деньги вернутся обратно. Название меня удивило. Это мне бы назвать «Сердце», поскольку я из-за него претерпел неприятности и больницу. Очень рад, что Вы чувствуете себя хорошо. Я — вроде того, как Пушкин ответил Хлестакову. Сейчас разозлился,— что мне вредно — прочтя в «Мостах» у болвана Чижевского, что «Ангел» (т. е. «по небу полуночи») — «довольно слабое стихотворение». Оно — стихотворение детское, но стоющее 1000 взрослых. Котлярчик исчез и молчит. Или у него кишки не в порядке, или он обижен за недостаток внимания. Простите, что пишу ерунду. Кроме ерунды, нет ничего. Софочка ожидается на ближайшей неделе. «Мишка» собирается послать Вам свой взнос. Желаю всякого благополучия и окончательного торжества над немощами.

Ваш Г. Адамович

83.

28 дек. 1971, New York

Дорогая София Юльевна!

Шлю Вам к Новому Году самые искренние и дружеские пожелания здоровья и благополучия. Надеюсь скоро Вас видеть, так как собираюсь быть дома в Париже числа 4-го или 5-го, не позже. Я и так уж засиделся в Нью-Йорке.

Ваш всегда Г. Адамович

P. S. Вчера был в Опере на «Мейстерзингерах» и получил большое удовольствие по моей любви к Вагнеру. Мне прислал два билета Борис Юльевич, с которым мы о Вагнере говорили. Я тронут его вниманием и любезностью.

84.

31 янв. 1972, Nice

Дорогая София Юльевна!

Сегодня утром я прочел в «Figaro» о смерти Б. К. Зайцева. Еще в субботу, т. е. третьего дня, я получил из Мюнхена, от Виктора Франка, телеграмму с просьбой прислать некролог о нем, «Le plus vite possible». Но так как они меня просили прислать некролог о Газданове, когда тот был жив и даже как будто поправлялся, то я не был уверен, что Б. К. действительно скончался. Ведь я у него был несколько дней тому назад, долго с ним разговаривал и казался он совсем бодрым! Я допускал, что он внезапно заболел, а мюнхенскому радио некролог нужен «на всякий случай». Оказалось, нет, весть была правдивой и печальной. «Все мы под Богом ходим». Отчасти у меня все-таки отрадное чувство: ведь я у Б. К. бывал крайне редко, а тут видел его за несколько дней до его смерти, будто кто-то подтолкнул меня позвонить им и условиться о посещении.

Но пишу я Вам об этом, дорогая София Юльевна, вот почему. Я уверен, что вечер Евсеева будет отложен. Невозможно, недопустимо было бы этого не сделать. Поэтому нет как будто и речи о приветствии Евсееву, которое я должен был Вам прислать. Но если все-таки, вопреки моей уверенности, вечер состоится, сообщите мне об этом par retour du courrier, а я пришлю Вам свой текст письмом «express». Дойти успеет. Добавлю, однако, что предположение это представляется мне невероятным, даже если зал взят и связана отмена вечера с убытками.

В Ницце холодновато, но небо синее. Шлю Вам, дорогая София Юльевна, самые лучшие пожелания. Не уставайте, не хлопочите по чужим делам, берегите себя для Ваших друзей.

Ваш Г. Адамович

Некролог я все-таки написал и послал, значит, правильно сделал.

85.

12 февр. 1972, Nice

Дорогая София Юльевна!

Благодарю Вас за два письма, в особенности за второе, с описанием «триумфа» Евсеева. Что поэт он довольно наивный, мы с Вами, конечно, знаем, но как человек он мне всегда внушал живую симпатию, и рад, что благодаря Вам мог хоть в какой-то мере содействовать успеху его вечера. Кстати, мне кажется, что не следует слишком затягивать траур, связанный со смертью Зайцева. Все у нас и так висит на волоске, а так или иначе жизнь должна продолжаться. Если какие-то вечера были назначены, не надо, по-моему, их отменять окончательно или хотя бы на «слишком долго». Не знаю, согласны ли Вы со мной.

Удивительно все-таки, что французские газеты почти совсем не откликнулись на смерть Б. К. Вспоминаю, впрочем, что когда Арнольд С. Блох позвонил в «Figaro Litteraire» и сказал, что умерла Ахматова, ответ был такой: «Nous ne connaissons pas cette dame».

До свидания, дорогая София Юльевна. Надеюсь скоро Вас видеть, притом «в полном порядке», и был бы искренне рад, если бы именно так это и было.

Ваш всегда Г. А.

Примечания к Письмам

Все письма Г. Адамовича, кроме трех, печатаются по «Новому журналу» (1994, кн. 194, публикация В. Крейда). Оригиналы писем хранятся в архиве Иллинойского университета (Ичвапа-Champaign).

1.

Адресовано Вадиму Викторовичу Рудневу (1879-1940) — одному из пяти редакторов «Современных записок». До эмиграции Руднев — московский городской голова, правый эсер, в декабре 1917 г. возглавил сопротивление московским большевикам.

МаркВениаминович — Вишняк (1883— август 1975), один из редакторов «Современных записок».

«Мысль моя остается прежней…» — по-видимому, мысль эта нашла свое воплощение в статье «Несостоявшаяся прогулка. Об эмигрантской литературе» (Современные записки. 1935. № 59).

3.

Книга Константина Мочульского (1892—1948) «Духовный путь Гоголя» вышла в Париже в 1934г. и была его первой монографией в серии исследований о писателях (о Вл. Соловьеве, Достоевском, Блоке, Белом, Брюсове). Мочульский преподавал в Петроградском университете на историко-филологическом факультете в то время, когда там же учился Адамович. Эмигрировал в 1919 г.; с 1922-го жил в Париже. Много писал об участниках кружка Цех поэтов, к которому принадлежал и Адамович. О книге «Духовный путь Гоголя» для «Совр. зап.» написал Б. П. Вышеславцев (1934. № 56).

4.

Рецензия Адамовича на книгу Легра «Русская душа» напечатана в 57-й книге «Совр. записок» (1935).

5.

Письмо адресовано поэту Александру Самсоновичу Гингеру (1897—1965).

Раевский Георгий Авдеевич (наст. фам. Оцуп, 1897—1963)— поэт, младший брат Николая Оцупа; автор сборников «Строфы», «Новые стихотворения», «Третья книга».

Анна Семеновна — Присманова, поэтесса, жена Гингера.

Аля — Александр Васильевич Бахрах (1902—1985), литературный критик, мемуарист, автор воспоминаний «По памяти, по записям».

6.

В *Манчестере* начиная с 1952 г. Адамович в течение нескольких лет преподавал в университете русскую литературу.

7.

Адресат письма — поэтесса А. С. Присманова.

Князь Я. К. Туманов — мемуарист, печатавшийся в 1940-е гг. и в начале 1950-х гг. в «Морских записках». В 1930 г. вышла его книга воспоминаний о Цусимском сражении «Мичман на войне». Из попытки поэта и критика Ю. К. Терапиано (1892—1980) и Туманова основать новый литературный журнал ничего не вышло.

Неточка — Анна Морисовна Элькан, секретарша в Объединении писателей и журналистов. С. Маковский снимал комнату в квартире Элькан. Здесь в «Неточкином салоне» иногда собирались Гингер, Присманова, Г. Иванов, И. Одоевцева, Ю. Терапиано, В. Смоленский, К. Померанцев и др.

C'estun homme re volte — это бунтующей человек (фр.).

8.

Сергей Иванович Шаршун (1888—1975) — художник, писатель, антропософ. Адамович называл Шаршуна «раскольником и отшельником заволжских степей». В печати отзывался о Шаршуне-прозаике неоднократно и едва ли не всегда сочувственно. Книга Шаршуна. упоминаемая в письме Адамовича, вероятно, повесть «Яно Грустнейший, или Хождение к истокам отцовской крови» – первая часть эпопеи Шаршуна «Вслепую». «Яно Грустнейший» вышла отдельным изданием в 1951 г. в Париже.

9.

ceci est entre nous — это между нами (фр.),

«Чувства… самые матерни» – шутливая реминисценция сонета Гингера «Лоно», терцет из которого вспоминает здесь Адамович:

Благоуханная!коленосклонный
вернулся, скуден кматернему лову.
Трепещет сердце, предвкушением радо.

Vousvoyezcadecoin – вы это видите по-своему (фр.).

11.

«Опыты» – литературный журнал, выходивший в 1953—1957 гг. в Нью-Йорке. Всего вышло 9 номеров; вначале под ред. Р. Н. Гринберга и В. Л. Пастухова (музыканта и поэта), а с № 4 — под редакцией Юрия Иваска. Адамович с первого номера стал активным сотрудником «Опытов», и в частности печатал в журнале свои «Комментарии», которые впоследствии вошли в его одноименную книгу (1967). Присманова и Гингер также печатались в «Опытах»; Присманова — начиная с № 2, а Гингер — в № 4, 6 и 9 (стихотворение и рассказ).

М. Л. Кантор (1884—1970) — литературный критик и поэт, редактор «Звена», в котором очень много печатался Адамович. В 1934 г. Адамович и Кантор совместно редактировали парижский ежемесячный журнал «Встречи». В 1936 г. под ред. Адамовича и Кантора вышла первая эмигрантская поэтическая антология «Якорь». В 1968 г. Кантор издал единственный свой поэтический сборник «Стихи», о которых Адамович писал как о произведениях в своем роде редкостных: «Трудно представить себе стихи менее словесные, чем те, что собраны в этой книге». О том же отсутствии «словесных качеств» в стихах Кантора Адамович пишет в этом письме Гингеру и Присмановой и затем через пятнадцать лет — в своей рецензии на книжку стихов «Кантора» в «Новом журнале».

en marges de la vie — на краю жизни (фр.).

12.

Речь в этом письме идет опять о сонете Гингера «Лоно», который впоследствии вошел в его сборник «Сердце» (1965). Сначала Гингер предполагал включить это стихотворение в свою книгу, подготовленную им для издательства «Рифма», которым руководил С. К. Маковский. Маковский, прочитав сонет Гингера, возразил против эпитета «матернее». Гингер настаивал на своем, и Маковский послал письма известным поэтам и писателям (Г. Адамовичу, Г. Иванову, Ремизову, Смоленскому и др.) с предложением высказаться по поводу приемлемости этого слова.

je n'insiste pas – я не настаиваю (фр.).

votre cas — ваш случай (фр.).

13.

«Тибетскую песню» Гингера Адамович читал в рукописи. Впервые это стихотворение было напечатано в «Новом журнале» (1956. № 47). Сам Гингер дорожил этим стихотворением и включил его в свой итоговый сборник «Сердце» (1965), вышедший за несколько недель до смерти Гингера. В этот же строго подобранный сборник, в который вошло только 37 стихотворений, написанных в течение 47 дет, включена и «Газелла», о которой здесь пишет Адамович. «Ах!», против которого протестовал Адамович, оставлено Гингером во всех последующих изданиях:

В этих бейтах злую правду видишь ты;
ах! и правда не меняет ничего.

c'est un peu facile — это немного легко (фр.).

facilite — легкость (фр.).

Об отношении Гумилева к Малларме в одной из своих статей в «Опытах» Адамович писал: «Но о Малларме стыдно было слушать! Гумилев его высокомерно «опровергал», противопоставляя ему Готье и парнасцев…» (Опыты. 1956. № 7. С. 31).

mardis de la rue de Rome — вторники на римской улице (фр.).

14.

Юрий Фельзен (псевдоним Николая Бернардовича Фрейденштейна; 1895—1943)— писатель-прозаик, автор романов «Обман», «Счастье», «Письма о Лермонтове». Адамович познакомился с Фельзеном на одном из «Воскресений» у Мережковских в Париже. О его романе «Повторение пройденного» Адамович говорит в книге «Одиночество и свобода», что в нем есть поэтическое видение и психологическое открытие, которые «ни с какими другими спутать нельзя».

Николай Владимирович Станюкович — прозаик, литературный критик, поэт, автор трех поэтических сборников. В послевоенное время печатался почти исключительно в журнале «Возрождение».

textuellement — текстуально (фр.).

Книга Юрия Иваска — «На Западе» (Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953)— первая антология, включившая стихи «ди-пийцев» — Анстей, Елагина, Моршена, Касима и др.

15.

Поэтесса Вера Сергеевна Булич умерла 2 июля 1954 г. в Финляндии. Эмигрировала вместе со своим отцом профессором Петербургского университета С. К. Булич в 1920 г. Книжка, о которой говорится в письме – это последний (четвертый) сборник Булич «Ветви» (Париж, 1954). Адамович включил стихи Булич в вышедшую под его (и М. Кантора) редакцией антологию «Якорь» (1936). Стихотворение «Нет у меня детей…» написано в 1949г.

Нет у меня детей. Мой взгляд и голос
Ни в ком не оживут. Не передам
Зерна земле, как полный спелый колос,
Не завещаю ничего годам…

Об одном из ранних сборников В. Булич Адамович писал в «Последних новостях»: «…впечатление какой-то хрупкой, как бы «фарфоровой» законченности» и восхищался стихотворением Булич «Услышать снова музыку глухую». В. Булич переписывалась с Анной Присмановой, которая и послала Адамовичу сборник «Ветви», вышедший незадолго до кончины поэтессы.

Стихотворение «Иссохшим деревом…» написано в 1951 г.:

Иссохшим деревом стою
С кривыми черными ветвями.
Дупло рассекло плоть мою,
Подточен корень мой червями.
Среди поющих не пою,
Среди горящих не горю
И леденею под ветрами…

16.

Quant a — что касается (фр.). Через шесть лет в своих мемуарах об Алданове Адамович писал, что встречался с Алдановым главным образом в Ницце: «Мы встречались раза два или три в неделю в маленьком кафе на площади Моцарта… Иногда Алданов… с улыбкой говорил позвольте, как же так, мы с вами еще не выяснили, кто больше — Толстой или Достоевский. В самом деле, литературные наши разговоры почти всегда кончались Толстым и Достоевским (Новый журнал. 1960. № 60. С. 113).

Французский жанр — Адамович имеет в виду два рассказа Присмановой, написанных по-французски.

La main – рука (фр.).

17.

Адресовано Марии Самойловне Цетлиной (1882-1976), жене поэта и прозаика Михаила Осиповича Цетлина (Амари). М. С. Цетлина принимала большое участие в издании «Современных записок» и «Нового журнала». Квартира Цетлиных в Париже стала своего рода литературным салоном, в котором бывали многие эмигрантские писатели.

«Португальские сонеты» Е. Браунинг – книга переводов Михаила Цетлина и Игоря Астрова была издана в 1956 г. в Нью-Йорке стараниями М. С. Цетлиной. Предисловие написал Адамович.

18.

Pas trop fameux— не слишком отличное (фр.).

Ставров Перикл Ставрович (1895—1955) — поэт и прозаик. Опубликовал поэтические сборники «Без последствий» (1933) и «Ночью» (1937). Его стихи вошли в антологию «Якорь» (ред. Адамович и Кантор).

19.

«Гингер ставит ультиматумы» — речь о стихотворениях Гингера в № 4 «Опытов», когда редактором журнала стал поэт Юрий Павлович Иваск (1907—1986).

entre nous — между нами (фр.).

Лида — поэтесса Лидия Давыдовна Червинская (1907—1988). В 1956 г. был опубликован ее сборник стихов «Двенадцать месяцев», который Адамович читал в рукописи.

20.

…*на вашем острове* — Гингер часто ездил на Корсику.
sauf imprevu — исключая непредвиденное (Фр.).

21.

На собрании памяти Бунина Гингер читал воспоминания Адамовича, которые вошли (возможно, в иной редакции) в книгу Адамовича «Одиночество и свобода».

В № 39 *«Нового журнала»* (декабрь 1954 г.) была напечатана С. Маковским подборка неизвестных стихотворений Волошина (из его книги «Пламена. Война и революция»). Стихи хранились в архиве Н. Евреинова и были переданы вдовой Н. Евреинова Маковскому.

A part cela — кроме этого (фр.).

22.

Августа Филипповна Даманская (1885— 1959), она же «Арсений Мерич» — писательница, переводчица, журналистка.

Гингер писал Адамовичу, что задумал издать новый сборник стихов. Этот сборник («Весть») вышел в парижском издательстве «Рифма» в 1957 г. Слова Адамовича «давно пора» связаны с тем фактом, что предшествующий сборник Гингера вышел в 1939 г. В «Весть», которая была окончена печатанием 17 октября 1956 г., включено только 12 стихотворений, все они (кроме одного) вошли в последний сборник Гингера — «Сердце» (1965).

23.

София Юльевна Прегель (1904– 1972) — поэтесса. В эмиграции — с 1920 г. Жила в Константинополе, Берлине, Париже, Нью-Йорке. Ее первый сборник стихов — «Разговор с памятью» (1935). Опубликовала еще пять сборников, и один вышел посмертно с предисловием М. Слонима («Последние стихи», 1973). В 1942 г. основала журнал «Новоселье», который издавался до 1950 г., и 52 номера этого журнала являются ценным источником для истории русского литературного зарубежья. С 1957 до 1972 г. Прегель была директором издательства «Рифма», выпустившего около 30 сборников стихов эмигрантских поэтов (Штейгера, Булич, Набокова, Одоевцевой, Г. Иванова, Раевского, Ладинского, Гингера и др.). О С. Ю. Прегель писали в своих воспоминаниях К. Померанцев, З. Шаховская, Ю. Терапиано, В. Яновский.

Подарок Даманской — к ее семидесятилетию.

24.

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869— 1958) — журналистка, публицист.

Слоним Марк Львович (1894—1976)— литературный критик.

Варшавский Владимир Сергеевич (1906— 1978) — писатель. Жил в Праге, с 1926 г.— в Париже. Наиболее известная его книга — «Незамеченное поколение» (1956). Статья Варшавского, о которой говорится в письме, на самом деле — отрывок из книги «Незамеченное поколение». Отрывок этот был напечатан в «Новом журнале» (1955. № 41). Публикация Варшавского вызвала появление ряда полемических статей в «Новом русском слове».

Comment allez vous? — как Вы поживаете? (фр)

25.

Новое литературное направление, о котором писал в своих статьях Николай Оцуп,— персонализм. Последователей у провозглашенного Оцупом направления не нашлось.

helas — увы, к сожалению (фр.).

26.

Зуров Леонид Федорович (1902—1971) — писатель. В конце гражданской войны попал в Эстонию; некоторое время жил в Чехословакии и в Латвии. Бунин восторженно отозвался о его книге «Отчизна» (1929). Списавшись с Буниным, Зуров переехал во Францию. Работал в Париже ночным сторожем. Позднее стал секретарем Бунина.

mais il ne faut pas chercher a comprendre — но не следует стараться понимать (фр.).

Вера Николаевна — Бунина-Муромцева, жена Бунина, мемуаристка. В письме Адамовичу она спрашивала его мнение о рассказах Зурова «Ксана» и «Гуси-лебеди» (Новый журнал. 1955. № 43), которые впоследствии вошли в книгу «Марьянка» (Париж, 1958).

27.

a savoir — а именно (фр.).

29.

Je n'en suis nullement certain — я совсем не уверен (фр.).

30.

С. Ю. Прегель писала Адамовичу о книге Г. Струве «Русская литература в изгнании.

Опыт исторического обзора зарубежной литературы». Первым изданием книга вышла в Нью-Йорке в изд. им. Чехова в 1956 г. О С. Ю. Прегель здесь сказано: у нее «голос чересчур громкий, порой крикливый. И пишет она, пожалуй, слишком много: ее стихами легко пресытиться. В более поздних ее книгах раздражают некоторые словесные вычуры и особенно назойливые инверсии, не оправданные общим стилем». О Гингере в этой книге говорится: «своеобразие при многих раздражающих вывертах». И далее: «У Гингера… едва ли найдется хоть одно цельное, чем-нибудь не испорченное стихотворение». О Яновском в той же книге сказано: «Физиологический натурализм его шокирует читателя… У Яновского есть что сказать, но надлежащей формы, своего стиля он не нашел. Почти на каждом шагу у него срывы…»

«Только бы льнули девчонки» и т. д.— цитата из стихотворения Тинякова (1886—1932), печатавшегося также под псевдонимом Одинокий. В 1912, 1921 и в 1924 гг. вышли его сборники стихотворений. Адамович мог встречать его, например, в литературном кружке «Физа» в Петрограде.

31.

et c'est tres serieux — и это очень серьезно (фр.)

32.

Письмо адресовано Гингеру ; обращение «Agnia» связано с псевдонимом Гингера Агния Нагаго.

d'accord —договорились (фр.).

Руманов — Аркадий Вениаминович Руманов (?— 15 окт. 1960), журналист, до революции сотрудник самой большой московской газеты «Русское слово», был ее представителем в Петербурге. Был знаком со многими дореволюционными и эмигрантскими писателями. Неоднократно упоминается в дневниках А. Блока. Г. Иванов говорил о нем как о человеке, воплотившем в себе «самое лучшее и самое худшее в русской интеллигенции».

Рощин (наст, имя — Николай Яковлевич Федоров) — писатель-эмигрант. В 1946 г. вернулся в СССР. Автор книг «Горнее солнце» (1929), «Журавли» (1930), «Белая сирень» (1936).

en toutes let tres — из всех писем (фр.).

«Весть» — сборник стихотворений Гингера, вышедший в Париже в октябре 1956 г. (на титульном листе — 1957 г.).

33.

Книга, о которой идет речь,— сборник стихов Гингера «Весть». В «Опытах» о ней писал Ю. Иваск: «В Париже, в особенности в 30-х гг., «культивировалась» простота, а Гингер не прост. Он риторичен и склонен к стихотворным экспериментам. Его традиция державинская и отчасти футуристическая… Эти стихи Гингера очень искусно выверенные волнуют и легко заучиваются наизусть…»

С. К. Маковский (1877—1962)— поэт, историк искусства, мемуарист.

О *Ларисе Гатовой* нам известно лишь, что писала она стихи и что в 1971 г. напечатала в канадском «Современнике» «Красивое воспоминание»

Антонина Алексеевна Горская (Гривцова) (1893—1972) — поэтесса. С 1938 г. участница Парижского объединения поэтов. Автор сборников «Раздумья», «Тревога», «Ограда»; Адамович имеет в виду стихотворение Горской:

Душа смиренна. Дух мятежен.
Душа покорна. Дух свободен.
Душа безвольна. Дух настойчив.
Душа неясна. Дух отчетлив.
Душа пуглива. Дух бесстрашен.
Душа печальна. Дух восторжен.
Душа бездумна. Дух разумен.

34.

un quart de siecle — четверть века (фр.).

35.

mais vous etes incorrigible – но вы неисправимы (фр.).

Н. А. Оцуп (1894—1958) — в это время страдал от депрессий и от болезни глаз.

Александр Буров (Александр Павлович Бурд-Восходов) (1876—1957) – беллетрист.

36.

Книга Горлина — Блох — имеется в виду сборник статей двух поэтов «Etudes litteraries et historiques» (Париж, 1957). Горлин и его жена Раиса Блох (1899—1943) погибли в фашистских концлагерях.

passer outre — пренебречь (фр.).

Я совсем не помню стихов Горлина — Адамович включил три стихотворения Михаила Генриховича Горлина (1909—1944) в свою антологию «Якорь». При жизни Горлин издал единственный стихотворный сборник— «Путешествия» (1936).

37.

Юлия Леонидовна Сазонова (1887-1957) – прозаик, критик; много печаталась в журнале «Новоселье».

38.

Entendu — решено (фр.).

Зинаида Алексеевна Шаховская (род. в 1906 г. в Москве – 2001) – поэтесса, прозаик, переводчица, журналистка, редактор, мемуаристка. В 50-е годы работала на французском радио. В 1968 — 1978 была редактором «Русской мысли».

au plus tard – не позже (фр.).

Чекверша – поэтесса Ирина Яссен (наст. фам. Чеквер, 1893 – 28 ноября 1957); была основательницей знаменитого издательства «Рифма», которое выпустило в свет десятки поэтических сборников современных эмигрантских поэтов. Издательство поддерживалось на средства И. Яссен.

a tres bientot — до очень скорого свидания (фр.).

39.

Имбирев — прозвище, которым Адамович иногда называл Гингера, переводя фамилию с английского.

40.

Анна Мор — Анна Морицевна (Морисов-на) Элькан — автор нескольких мемуарных очерков. С. Маковский в 1950 г. жил в парижской квартире Элькан.

41.

Ивановы — Георгий Владимирович Иванов и Ирина Владимировна Одоевцева. Речь, по–видимому, идет о приюте для пожилых людей. В это время Г. Иванов жил в старческом доме на юге Франции и хотел перебраться в Париж.

42.

Книга Адамовича «Маклаков» вышла в 1959 г.

cequi est loin d'etre sur — что мало вероятно (фр.).

43.

«Встреча» — сборник стихов С. Прегель, вышедший в 1958 г.

tres humain… naturellement humain — очень человечно… естественно человечно (фр.).

Читаю Зурова — его сборник рассказов «Марьянка» (1958).

44.

В дате этого письма — ошибка. Вероятно, оно было написано 4 сентября. Георгий Иванов умер 26 августа в Йере.

affidavit — письменное показание под присягой (англ.).

45.

Отослал Водову — т.е. в «Русскую мысль». В августе Адамович побывал в Йере (на юге Франции) у умирающего Георгия Иванова.

Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907 — 5 марта 1991, Париж)— поэт, журналист, мемуарист. Жил в Париже с 1927 г. С 1957 г. работал в «Русской мысли». В 1950 г. Ирина Яссен, занимаясь делами, связанными с основанием издательства «Рифма», предложила Померанцеву взять на себя практическое руководство издательством. Вскоре, однако, Померанцев предложил вместо себя кандидатуру С. К. Маковского. О какой-либо «перепалке» Померанцев не упоминает в своих мемуарах о Маковском.

Chacun s 'amuse a sa maniere. Moi je m'amuse. — Каждый развлекается по-своему. Я же развлекаюсь… (фр.)

46.

«Что наша Lida natlonale?» – о Л. Д. Червинской.

47.

С. Ю.— София Юльевна Прегель.

et ce n'est pas sur — и это сомнительно (фр).

Кодрянская – Наталья Владимировна Кодрянская (1901—1983), писательница, автор книг «Глобусный человечек», «Золотой дар», «Сказки», «Ремизов в своих письмах», «Пять сказок». Здесь речь идет о книге Кодрянской «Алексей Ремизов», вышедшей в 19S9 г. в Париже.

il acomme des eclairs — вспышками (фр.).

48.

Речь идет о книге Кодрянской «Алексей Ремизов», вышедшей в 1959 г. в Париже.

Мейер Георгий Андреевич (1894—1966) — публицист, критик, печатавшийся в «Возрождении» и «Гранях». Посмертно в издательстве «Посев» вышли две книги Мейера «Свет в ночи» и «Сборник литературных статей». Поэзией К. К. Случевского Мейер занимался в течение многих лет и опубликовал о нем статьи в журналах «Возрождение» и «Грани».

Кленовский (Дмитрий Иосифович Крачковский, 1893—1976) — поэт. В эмиграции с 1943 г. Первая книга стихов вышла в 1917 г. Долгое время не писал, вернулся к стихам через много лет и, живя в Траунштейне (Германия), опубликовал десять поэтических сборников. В 1977 г. посмертно вышла еще одна его книга — «Последнее», в которую вошли стихи, написанные в 1975—1976 гг.

49.

Адамович здесь пишет о № 9 «Опытов», где напечатана подборка стихотворений Присмановой; первое стихотворение начинается строфой:

Две у людей, а у зверей четыре
стопы, нос давних нор узнала я,
что у иных в трехмерном этом мире
бывают пятистопные друзья…

В том же номере «Опытов» опубликован под псевдонимом Агния Нагаго очерк Гингера «Борьба за тепло».

50.

A partir de — начиная с… (фр.).

51.

Книга Пиотровского, т.е. Владимира Львовича Корвин-Пиотровского (1891—1966) — сборник стихов «Поражение».

Qu’ en diles vous? — Что вы скажете об этом? (фр.).

52.

Наша дура nationale — Адамович пишет здесь о Л. Д. Червинской.

Написать предисловие — говорится о посмертном издании стихов Оцупа; двухтомник вышел в 1961 г. в Париже (без предисловия Адамовича).

53.

Юрий Павлович Одарченко (1903— 1960) — поэт, автор единственного сборника стихов «Денек» (1949). Одарченко начал печататься в 40-е гг. В 1947 г. под его редакцией (совместно с В. Смоленским и А. Шайкевичем) вышел альманах «Орион», один из лучших альманахов за всю историю эмигрантской литературы. В «Орионе», в частности, напечатаны произведения Адамовича и самого Одарченко.

Il est bon et salutaire de n 'avoir aucun espoir — хорошо и благотворно не иметь никакой надежды (фр.)

54.

Кирилл Сергеевич Вильчковский — литератор, автор статей о Бунине, Цветаевой, Штейгере, Корвине-Пиотровском и др. Печатался в «Опытах», «Современнике», «Возрождении», «Новоселье».

«Мосты» — литературно-художественный и политический альманах, выходивший с 1958 по 1970 г. в Мюнхене под ред. Г.Андреева (Г. А. Хомякова). В «Мостах» печатались Адамович, Л. Алексеева, Ю. Анненков, О. Анстей, Н. Арсеньев, А. Бахрах, Н. Берберова, В. Вейдле, Г. Газданов, Ю. Иваск, О. Ильинский, Д. Кленовский, Г. Кузнецова, С. Маковский, Ф. Степун и др.

55.

Анна Семеновна Присманова умерла 4 ноября 1960 г. в Париже.

«Соль» — третий поэтический сборник А. Присмановой (вышел в 1949 г.).

Mais on ne voit jamais — но никогда не видишь (фр.).

Степун Федор Августович (1884—1965) — философ, писатель-прозаик, мемуарист.

mater dolorosa — скорбящая мать (лат.).

56.

Диана Александровна Оцуп — жена поэта Николая Оцупа, издавшая посмертно четыре его книги: двухтомник «Жизнь и смерть», «Современники» и «Литературные очерки». Д. А. Оцуп обратилась к Адамовичу с предложением написать предисловие к двухтомнику.

…стал читать книгу д-ра Вербова — имеется в виду книга С. Вербова «На врачебном посту в земстве». Из воспоминаний (Париж, 1961).

58.

Je ne vous vois pas — я не вижу вас (фр)

60.

A bientot, n 'est ce pas? — До скорого свидания, не так ли? (фр.)

63.

Петр Алексеевич Бобринской (1893— 1962) — поэт, участник парижского кружка «Перекресток», автор книги о Григории Сковороде. В эмиграции своего сборника стихотворений издать не сумел. Его «Стихи» вышли через семь лет после смерти. Предисловие к книге написал Адамович, видевший в сборнике Бобринского следы «непрерывного неподдельного духовного подъема и какого-то прирожденного духовного благородства».

ДомАминадо (наст. имя Аминад Петрович Шполянский, 1888—1957)— поэт-сатирик, прозаик, мемуарист. Жил в Париже с 1920 г. Автор книг «Дым без отечества», «Наша маленькая жизнь», «Накинув плащ», «Нескучный сад», «Поезд на третьем пути».

Сергей Милич Рафальский (1896—1981) — поэт, публицист; в эмиграции с 1920 г. В 20-е гг. жил в Польше и в Чехословакии; участник пражского поэтического кружка «Скит поэтов». С 1929 г. жил в Париже.

66.

Речь идет о работе на радиостанции «Свобода» (в русской редакции), где тогда же работали упоминаемые в письме Лидия Червинская и Александр Бахрах.

67.

Passons — ну, дальше (фр.).

Сергей Акимович Водов (1898—?)— один из редакторов парижской «Русской мысли».

«Le monde» est essentiellement cruel — в сущности мир жесток (фр.).

68.

touche a sa fin — идет к концу (фр.)

69.

«Страдания немолодого Вертера» — вторая книга стихов Владимира Александровича Дукельского (1903—1968). Константин Терешкович—художник. Лифарь Сергей Михайлович — хореограф, историк балета, мемуарист.

70.

Адамович здесь пишет о книге Дукельского «Страдания немолодого Вертера».

Зоя Симонова — писательница; печаталась преимущественно в журнале «Возрождение»; опубликовала также несколько своих стихотворений.

maiscane durera pas — но это недолго продлится (фр.).

Кузнецова Галина Николаевна (1902 — 8 февраля 1976)— поэтесса, прозаик, автор книги о Бунине «Грасский дневник».

74.

C'est tout a fait lui — это он совсем (фр.).

Борис Юльевич Прегель — брат поэтессы, бизнесмен, которому София Прегель посвятила трехтомный роман «Мое детство» (т. 1 и 2 Париж, 1973; т. 3 — Париж, 1974).

76.

C’est encore moi — это опять я (фр.).

79.

fumier — дерьмо (фр.).

81.

Письмо адресовано А. В. Бахраху.
les voies urinaires — мочевые каналы (фр.).

84.

le plus vite possible — как можно скорее (фр.).
par retour du courrier — с обратной почтой (фр.).

85.

Это письмо написано за девять дней до смерти. Адамович умер от инфаркта 21 февраля 1972 г. в Ницце.

«Nous ne connaissons pas cette damme» — «Мы не знаем эту даму».